

А.М.Решетов

*Трагедия личности:
Николай Михайлович
Маторин*

Одной из ярких, деятельных фигур в советской этнографической науке конца 20-х—начала 30-х годов XX в., несомненно, является Николай Михайлович Маторин, последний директор Музея антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР перед его вхождением в Институт антропологии и этнографии (ИАЭ) АН СССР, первый директор этого Института и ответственный редактор журнала «Советская этнография»¹. Важных должностей, постоянных и временных, у него было предостаточно. По размаху научно-исследовательской, научно-организационной, пропагандистско-преподавательской и общественно-политической деятельности он по праву был одним из признанных лидеров советской этнографической науки конца 20-х—начала 30-х годов. В середине 30-х годов Маторина незаконно репрессировали, и его имя надолго исчезло из истории науки. Несомненно, давно пора рассказать об этом ученом, о его многогранной деятельности.

Нередко о людях того времени пишут, что все они были скованы страхом, что их общественная деятельность и поведение были конъюнктурными. Нам, живущим тоже в бурные, но совсем иные времена, иногда нелегко понять жизнь и мотивы поступков наших предшественников, на долю которых выпала необходимость вольно или невольно принимать участие в революционной борьбе, в социалистическом строительстве, в утверждении марксистской методологии в отечественной этнографии. Еще предстоит написать подлинную историю нашей науки, непременно учитывая все сложности и противоречия той эпохи.

Были ли среди наших коллег старших поколений искренне верящие в революцию, социализм? Думаю, что были, и немало, но, как это ни парадоксально, именно многие из них оказались

репрессированными. Они активно включались в борьбу за новую жизнь, вносили свою посильную лепту в слом старого и утверждение нового быта, новых отношений, искренне радовались достижениям и огорчались срывам, в едином порыве славил передовиков, социализм и разоблачали «врагов» внутренних и внешних. У них были свои убеждения, своя логика жизни. Очевидно, нам не надо выступать строгими судьями их поступков, а стоит внимательнее взглянуть в эпоху, когда им довелось жить, объективно рассмотреть их деятельность в то время и таким образом понять их жизнь и труды. А может быть, благодаря этому и само время станет для нас хотя бы чуть-чуть более понятным...².

* * *

Николай Михайлович Маторин родился 5 (17) августа 1898 г. в с. Первитино Тверской губернии³. Мать — Зинаида Николаевна (1874—1939) — происходила из крупного потомственного дворянского рода Хвостовых. Предки отца, Михаила Васильевича Маторина (1866—1926), были из мещан, сам он работал писарем в Генеральном штабе, потом дослужился в Царском Селе до штабс-капитана и даже получил за усердие личное дворянство. После революции М.В.Маторин состоял хранителем дворцовых музеев в Детском Селе.

Учился Николай Маторин в знаменитой царскосельской классической гимназии, которую закончил в 1916 г. с серебряной медалью. В том же году он поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, особенно увлекся историей древних обществ⁴, но в 1917 г. был призван на военную службу. После Октябрьской революции, вернувшись домой из армии, Николай занялся пропагандистской работой. В 1918 г. он уже лектор Отдела народного образования уездного Детскосельского совдепа, агитатор Детскосельского уездного военкомата. 15 марта 1919 г. Николай Маторин вступил в ряды большевистской партии. В 1920—1922 гг. он на советской и партийной работе в Гдове⁵, а с июля 1922 г. — в Петрограде, где сначала в течение короткого времени (менее года) занимал ответственную должность секретаря Председателя Петроградского совета и секретаря Председателя Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). На обоих председательских постах был тогда известный партийный и государственный деятель Григорий Евсеевич Зиновьев (1883—1936)⁶. Маторин в известной степени прошел зиновьевскую «школу» со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. Совместная работа и знакомство с Зиновьевым в последующем будут

Н.М.Маторин с женой. Начало 20-х годов

играть значительную, а в конце концов трагическую роль в судьбе Николая Михайловича. Впоследствии он занимал другие руководящие посты: помощника заведующего агитационно-пропагандистским отделом Петроградского губкома РКП(б) (1922 г.), члена губернской контрольной комиссии (1925 г.), секретаря губернской комиссии по шефству над деревней, ответственного секретаря Ленинградского союза рабочих обществ «Смычка города с деревней» и т.д.

Это было время, когда в общественной жизни страны активную роль стала играть молодежь. Нередко молодые люди, выходящие из состоятельных семей, без колебаний, всем сердцем принимали идеи революции, равенства и братства, идеи борьбы со всем старым, по их представлениям отжившим, самозабвенно боролись за утверждение нового, которое приведет к светлому и счастливому будущему для всех людей. В таком бурном ритме жизни молодежь ощущала себя коллективом единомышленников, идущих в сплоченном строю. Именно в это время Николай Маторин познакомился с Лидией Ильинской, с которой его связывало общее дело. Она родилась 22 марта 1895 г. в г. Новая Ладога. В 1919 г. вступила в партию большевиков. В начале 20-х годов работала в коммунальном и женском отделах Гдовского уездного комитета, где тогда же в агитационно-пропагандистском отделе

вел активную деятельность Николай Маторин. В 1920 г. они поженились. В дальнейшем Лидия Петровна Маторина занимала различные посты в культурно-просветительных учреждениях Ленинграда, Себежа и Казани, куда в разные годы потом судьба забрасывала ее мужа⁷.

Николай Михайлович не имел законченного высшего образования⁸. Тем не менее, очевидно, из-за отсутствия достаточного количества партийных кадров в науке его с 1918 г. привлекали к различного рода лекционной работе, а с 1922 г. он занимается преподавательской деятельностью в ряде вузов Петрограда: в Коммунистическом университете читает курсы «Исторический материализм», «Теория агитации и пропаганды», «Работа в деревне», в Институте политпросветработы им. Н.К.Крупской — «Работа в деревне», в Технологическом институте — «Основы ленинизма»⁹. С 1924 г. он по приглашению Л.Я.Штернберга начинает преподавать на этнографическом отделении Географического института, в дальнейшем — географическом факультете ЛГУ. Здесь Маторин в качестве доцента читал спецкурс «Методики изучения деревни»¹⁰.

В 1923—1926 гг. Николай Михайлович, работая научным сотрудником Петроградского/Ленинградского научно-исследовательского института марксизма, написал ряд пособий о методах работы в деревне. Некоторые книги по этой же тематике вышли под его редакцией¹¹. В Коммунистическом университете в Ленинграде он вел специальный семинар по изучению современной деревни, состоял членом Комиссии по изучению деревни при Ленинградской секции научных работников. Методам изучения деревни было посвящено несколько его докладов на различных научных съездах, конференциях и заседаниях¹².

1922—1926 годы — это первый этап научно-педагогической деятельности Маторина. Из перечня курсов, читавшихся им в вузах города, написанных им работ и отредактированных трудов других авторов, а также тем прочитанных докладов очевидно, что ведущей проблемой в его научных изысканиях была методология работы в деревне, так называемой смычки города с деревней. Столь пристальное внимание к методологическим проблемам и жизни современной ему деревни определялось, несомненно, его активной партийной позицией, требованиями времени.

Выше уже отмечалось, что Маторин занимал видное место в Ленинградской партийной организации. Есть свидетельства, что в середине 20-х годов Маторин какое-то время работал секретарем Лодейнопольского уездного партийного комитета, вел там активную работу, возглавляя сторонников Зиновьева¹³. Он

был избран от Московско-Нарвской парторганизации делегатом XXII Ленинградской губернской партконференции, проходившей с 1 по 10 декабря 1925 г.¹⁴, т.е. накануне XIV съезда партии (18—31 декабря 1925 г.). Как известно, Зиновьев и его сторонники потерпели на съезде неудачу: большинство съезда их не поддержало, и после съезда Зиновьев теряет ведущее положение в Ленинградской парторганизации; в 1926 г. его исключают из Политбюро, а в 1927 г. — из состава ЦК. Сторонников его также снимали с постов в Ленинградской парторганизации и направляли с большим понижением на работу в другие районы страны. Среди них оказался и Маторин.

Уже 5 февраля 1926 г. Николай Михайлович распоряжением Северо-западного бюро ЦК ВКП(б) направляется на низовую работу в органы народного образования Псковской области. В марте—июле 1926 г. он — заместитель заведующего Псковским ГубОНО, с августа 1926 по август 1927 г. — заведующий Себежским РОНО. Наряду с основной работой он продолжал свою научную деятельность, был членом Псковского общества изучения местного края¹⁵, написал «Историю Себежского края» (объемом 7—8 а. л., оставшуюся неизданной), весной 1926 г. на Ленинградском областном краеведческом съезде прочитал доклад «О методах изучения современной деревни», проводил антирелигиозные диспуты и др.¹⁶. Одновременно Маторин занимался литературным творчеством, и воспитанники местного детского дома на вечерах читали его стихи лирического характера¹⁷.

В сентябре 1927 г. Маторин с семьей по чьей-то воле был переведен на работу в Казань, где в Татарском обкоме партии занимался антирелигиозной работой и одновременно состоял сотрудником научно-методического кабинета. С января по сентябрь 1928 г. он заведует бюро самообразования при Татнаркомпросе. В декабре 1927 г. за фракционную деятельность (активное участие в зиновьевской оппозиции) Маторин неожиданно задним числом был исключен из партии, но в августе 1928 г. Центральной контрольной комиссией ВКП(б) благополучно восстановлен по личному заявлению. Несмотря на сложность своего положения в Казани, Николай Михайлович много и плодотворно работает: собирает и систематизирует материал, пишет книгу «Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество—ислам—православие—сектантство», изданную в 1929 г. в Москве Союзом безбожников и Главполитпросветом¹⁸.

Выход в свет этой монографии Маторина был положительно воспринят в научных кругах. Так, С.П.Толстов в своей рецензии писал: «Книга представляет стройное целое, связанное единой

концепцией — подходом к определенной религии не как к отвлеченной догматической системе, а как к сложному комплексу элементов, формально относящихся к различным религиям, но фактически связанных воедино социально-экономическим укладом населения»¹⁹.

Представляется, что в Казани Маторин в еще большей степени, чем в Псковской губернии, почувствовал опасность участия во внутрипартийной фракционной борьбе. Особенно это стало ему ясным после разгрома зиновьевской оппозиции. Во всяком случае, Маторин в эти годы начал сознательно сторониться большой политики. Уже в Себеже он усиленно занялся краеведением, а в Казани его научная активность дала плоды, о чем убедительно свидетельствует выход в свет монографии. Столица Татарстана — один из старейших и признанных центров отечественной науки, где были сильны традиции этнографии, заложенные проф. Б.Ф.Адлером²⁰. Несомненно, общение с местными учеными, хорошо знавшими Поволжье, было полезным для Маторина, способствовало расширению опыта полевой этнографической работы, накоплению оригинального материала, в том числе для монографии. Из Казани он часто ездил в Москву, где не только работал в библиотеках, но и встречался с этнографами, устанавливая новые контакты, весьма полезные для будущего. Несмотря на кратковременность пребывания Маторина в Казани, этот период целесообразно выделить как этап его жизни, этап становления его как ученого-этнографа, будущего организатора и руководителя науки.

* * *

В сентябре 1928 г. Маторин возвращается в Ленинград, получив приглашение вести занятия в Университете в качестве доцента. Начинается третий, самый плодотворный период его исключительно активной научно-организационной, научной и преподавательской деятельности в Ленинграде.

Чтение лекций на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ Николай Михайлович начал по приглашению Я.П.Кошкина (Алькора), ставшего одним из руководителей этнографического отделения после смерти Л.Я.Штернберга²¹. Для этнографов он читал курсы «Методика антирелигиозной пропаганды», «Современное состояние религиозных верований в СССР», «Советское строительство и национальный вопрос» и «Советское строительство среди малых и отсталых народностей», для восточнославянского цикла на V курсе вел семинар «Двоеверие в русской деревне», для антропологов —

«История развития общественных форм». На историческом отделении факультета языка и материальной культуры (ямфаке) ЛГУ, являясь с 1929 г. заведующим антирелигиозным отделением факультета, он читал курс «Современное состояние религии в СССР» по циклу истории религии, на северном факультете зимой 1928—1929 гг. вел занятия по обществоведению²². На географическом факультете Маторин был председателем социально-экономической комиссии, на ямфаке — комиссии по истории религии. Его положение как преподавателя в вузах Ленинграда было довольно высоким: с 1924 г. он занимал в ЛГУ должность доцента, с 1929 г. возглавлял кафедру истории религии, в Ленинградском институте лингвистики и истории (ЛИЛИ) был доцентом с 1930 г. и профессором с 1931 г.

Николай Михайлович принимал участие в создании учебных пособий. Особой популярностью пользовался подготовленный под его редакцией сборник статей «Первобытное общество». К его созданию были привлечены как опытные, так и молодые авторы, среди них акад. И.И.Мещанинов, А.В.Шмидт, Б.Б.Пиотровский, С.Н.Быковский, А.Н.Бернштам, П.И.Борисковский, А.М.Золотарев, В.И.Равдоникас, С.В.Иванов, Е.Ю.Кричевский, А.Т.Лукачевский²³. По свидетельству учившихся в те годы студентов, эта книга у них пользовалась большой популярностью благодаря ясности и доступности изложения материала. В ней давалась в сжатой форме четкая характеристика жизни первобытного общества. Часто в библиотеке можно было услышать: «У вас есть Маторин?» — «Нет, Маторин на руках». В этой работе Маторин, будучи автором и редактором, выступал как ученый, хорошо знакомый с археологией и этнографией, глубоко разбирающийся в теоретических вопросах этих наук. В течение нескольких лет именно эта книга была основным учебным пособием по истории первобытного общества, прежде всего в Ленинграде, а затем она была запрещена, ряд авторов ее были репрессированы, упоминание их имен стало недопустимым²⁴.

Помимо преподавательской деятельности Маторина следует отметить его активность в Географическом обществе, где он в течение ряда лет был председателем Отделения этнографии. В этой связи хотелось бы напомнить, что в 20—30-е годы, даже после создания специализированного института в системе АН СССР, Географическое общество и его отделения и комиссии объединяли ученых разных специальностей и были важными центрами ленинградской и всесоюзной науки. Хотя Николай Михайлович немало сделал для развития этнографии в Обществе, его участие в работе Отделения этнографии по известным причинам вплоть до последнего времени замалчивалось, о нем предпочитали не

Н.М.Маторин в одной из экспедиций.
Конец 20-х годов

упоминать²⁵. Плодотворно сотрудничал он и в других научных центрах, причем был не только практическим работником, но зачастую и активным участником их создания.

29 декабря 1929 г. председатель Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран (КИПС) акад. Н.Я.Март и ученый секретарь М.Г.Худяков обратились в Президиум АН СССР с предложением зачислить на должность научного сотрудника 1-го разряда Маторина Н.М., «известного своими работами по этнографии народов Поволжья, а также своею научно-общественною деятельностью»²⁶. 21 января 1930 г. Николай Михайлович приступил к работе. Здесь он исполнял обязанности зам. председателя КИПС, зав. Европейским отделом, а в нем возглавлял Русский сектор²⁷. В КИПСе, вскоре переименованном в Институт по изучению народов СССР (ИПИИ), он значительно активизировал работу по исследованию религиозных верований и синкретизма²⁸, культуре и быту современного колхозного села²⁹, экспедиционную деятельность³⁰ и т.д. Маторин способствовал установлению разнообразных связей Института с местными научными и музейными центрами, организации комплексного изучения народов региона. Как заместитель председателя ИПИИ он неоднократно выезжал в Нижегородскую и Нижневолжскую области, в Карельскую АССР³¹.

Особого внимания заслуживает серия публикаций Маторина, посвященная работе в деревне. Сельская тематика занимает не-

малое место в его научно-исследовательской, преподавательской и научно-организационной деятельности. Уже во второй половине 20-х годов в советской этнографии был поставлен вопрос об изучении быта современной деревни. Д.А.Золотарев выступил со специальной статьей, в которой писал: «Мы присутствуем при целом движении, направленном на то, чтобы познать особенности бытия внегородского населения в целях воздействия на его сознание и в целях изменения уклада жизни деревни. Этот жизненный практический интерес как нельзя лучше сочетается с научным интересом, особенно осязаемым в настоящее время»³². И Маторин был в числе пионеров изучения современной деревни — целого научного направления, особенно активизировавшегося после Отечественной войны.

Решением общего собрания АН СССР от 12 октября 1930 г. Маторин был избран на высокий пост директора старейшего отечественного государственного музея — Музея антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого³³.

Несомненно, быстрому продвижению Николая Михайловича на крупные посты в АН СССР в определенной степени, как можно предполагать, способствовало его членство в ВКП(б). Однако от партийной организации АН СССР не было никакого специального представления или рекомендации по этим вопросам. Его кандидатура была представлена неперменным секретарем АН СССР акад. С.Ф.Ольденбургом, и академики при тайном голосовании большинством голосов поддержали кандидатуру Маторина, избрав его директором МАЭ. Очевидно, при этом признавались и оценивались его способности к научно-организационной и музееведческой деятельности. Достаточно вспомнить, что во главе МАЭ только в XX в. стояли такие выдающиеся ученые, как академики В.В.Радлов, В.В.Бартольд, Е.Ф.Карский. К работе в МАЭ Маторин отнесся очень ответственно. По отчетам АН СССР можно проследить большие изменения, происходившие в музее под руководством и при ближайшем участии его директора. Так, в 1932 г. в МАЭ уже был открыт второй зал 1-го этнографического отдела (первобытного коммунизма) с экспозицией австралийцев и андаманцев. Вместо отдела эволюции и типологии культуры организован кабинет музееведения и истории этнографии. Научно-исследовательская деятельность была сразу же теснейшим образом увязана с работой по реэкспозиции музея. При директоре систематически работало научное совещание. За год было проведено 19 заседаний с научными докладами³⁴. В 1933 г. в МАЭ были открыты восемь новых крупных экспозиций и ряд временных выставок, введены в практику новые методы экспонирования с использованием кинофильмов, яванского

театра теней, кукольного японского театра, музыкальных и звуковых иллюстраций и т.д. Некоторые из этих акций и сегодня являются новаторскими и применяются, мягко говоря, не во всех даже самых крупных отечественных музеях. Все это дает возможность высоко оценить усилия Маторина на ниве музееведения. Была организована подготовка экскурсоводов, проведен ряд семинаров для преподавателей средних школ. В течение года музей посетили 1026 экскурсий, а число всех посетителей составило 37 792 чел.³⁵. В целях активизации деятельности МАЭ были налажены связи с рядом крупнейших зарубежных музеев, в частности с Музеем археологии и этнографии в Кембридже, Музеем Пенсильванского университета в Филадельфии, с Музеем естественной истории в Нью-Йорке и др., регулярные контакты с виднейшими европейскими и американскими этнографами. Из последних особо отмечу главу американских этнологов, профессора Колумбийского университета Франца Боаса. По инициативе Маторина при Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей была организована фольклорно-этнографическая секция, имевшая целью расширить связи МАЭ с научно-исследовательскими учреждениями и отдельными учеными за границей³⁶. В целях ознакомления зарубежных ученых с научной деятельностью МАЭ на английском, французском и немецком языках был издан специальный сборник³⁷.

В научной литературе хорошо освещена деятельность Этнографического театра — коллектива, существовавшего под таким названием в 1930—1936 г. в помещении Русского музея, при его Этнографическом отделе. Задачей Этнографического театра было собирание, изучение и пропаганда средствами театра устного народного художественного творчества. Но под влиянием последовавших событий было предано забвению то, что во главе этого театра наряду с В.Н.Всеволодским-Гернгроссом стоял и проф. Маторин. После закрытия театра в 1932 г. Николай Михайлович употребил все свое влияние и авторитет и добился восстановления его деятельности. При содействии Маторина и с его предисловием была издана фундаментальная работа «Игры народов СССР»³⁸.

Как мы видели, Н.М.Маторин много сил и энергии отдавал музейной деятельности. В 1930 г. он вошел в состав комиссии, готовившей антирелигиозную выставку. Экспозиция была размещена в залах Зимнего дворца и вызвала большой интерес в городе. В ее создании деятельное участие приняли В.А.Казакевич, А.И.Востриков, Н.А.Невский, Н.К.Каргер, Н.П.Дыренкова, Н.Н.Волков и другие ученые. На базе именно этой выставки было решено создать в системе Академии наук Музей истории

религии. Работой по его созданию руководил комитет в составе акад. Н.Я.Марра, акад. С.Ф.Ольденбурга, Н.М.Маторина, С.Б.Волынского, В.Г.Богораза; последний был назначен и.о. директора этого музея³⁹. В 1932 г. ЦИК СССР постановил передать Академии наук для размещения в нем экспозиции нового музея Казанский собор. Вклад Маторина в создание музея и организацию в нем научно-исследовательской и научно-просветительской работы высоко оценен в истории науки⁴⁰.

В системе Академии наук Маторин по справедливости заслужил авторитет крупного музейного специалиста. Его часто привлекали к организации различных академических выставок. Так, распоряжением Президиума АН СССР от 13 июня 1931 г. он был включен в состав комиссии, которой поручалась подготовка выставки по четвертичным отложениям Ленинградской области, приуроченной ко 2-й Международной четвертичной конференции⁴¹. В 1933 г. была утверждена постоянная Музейная комиссия АН СССР под председательством акад. А.С.Орлова. Наряду с акад. А.Е.Ферсманом, акад. С.А.Зерновым, Н.А.Штормом, Н.Г.Шпринцин, А.П.Ильинским в нее вошел и Маторин⁴².

Активное участие Николай Михайлович принял в работе первого Всероссийского музейного съезда 1–3 декабря 1930 г.⁴³. В первый день он избирается в президиум съезда, выступает с приветствием от Центрального совета Союза воинствующих безбожников, которое он под аплодисменты заканчивает лозунгами: «Да здравствуют наши музеи, проводники культурной революции!», «Да здравствует Союз воинствующих безбожников и ленински поставленная антирелигиозная пропаганда!»⁴⁴. В дальнейшем он выступал в прениях по докладу И.К.Луппола «Диалектический материализм и культурное строительство» и Н.К.Крупской «Политпросветработа в музеях»; в последнем выступлении он призвал «на месте старых кунсткамер и прежних хранилищ создать подлинные очаги социалистической культуры»⁴⁵. Выступая по докладу Ю.К.Милонова «Целевые установки и сеть музеев различного типа», Николай Михайлович развивал мысль об этнографии как исторической науке, отстаивал право на существование самостоятельных этнографических музеев и этнографических материалов в краеведческих музеях⁴⁶. На антирелигиозной секции Маторин прочитал доклад на тему «Научная работа в антирелигиозных музеях»⁴⁷. Даже отдавая дань времени, ученый обосновал широкие перспективы научно-исследовательской и экспедиционной работы, призывая строить экспозицию на научной основе, чтобы она «давала для масс нечто глубокое и положительное»⁴⁸.

К сожалению, общие практические установки увлекали тогда Николая Михайловича, и он играл в их реализации не всегда благовидную роль. Это особенно проявилось в его обличении проф. Б.Ф.Адлера за публикацию статьи «Современное состояние науки о человеке в СССР» в немецком журнале «Архив антропологии» в 1930 г. Маторин призывал заклеймить позором «предательский поступок» проф. Адлера и принять постановление об исключении его из состава делегатов съезда⁴⁹. И несмотря на разъяснение обстоятельств появления статьи, он упорно продолжал настаивать: «Я считаю, что нужно особенно подчеркнуть, что гр. Адлер (уже не профессор, а гражданин! — *A.P.*) на нашем съезде дал совершенно неудовлетворительные, уклончивые, лживые объяснения своих поступков»⁵⁰. Едва ли можно признать этичной и резкую критику Маториным научных взглядов проф. Б.А.Куфтина, особенно в 1931 г., когда тот находился в ссылке⁵¹. Так Маторин, как и многие другие, соединял в себе служение настоящей науке и существующему режиму, не понимая, что неумолимо набирает обороты маховик репрессий и что, поступая таким образом, он приближал час и своей гибели.

Плодотворную работу Николай Михайлович вел на ниве редакционно-издательской деятельности. Выходивший в 1926—1930 гг. в Москве журнал «Этнография» был переименован в «Советскую этнографию», его издание перенесли в Ленинград. В 1931—1933 гг. редакцию возглавлял Маторин. В этот период, как вспоминал впоследствии С.М.Абрамзон, «журнал не только ставил и решал некоторые острые вопросы развития самой науки, но и выполнял очень важную для того времени задачу сплочения кадров этнографов и фольклористов, работавших в центре и на местах, играл роль своего рода организатора и пропагандиста этнографии и фольклористики. Его разносторонняя деятельность в те, теперь уже далекие годы, заслуживает высокой оценки»⁵². То было сложное время, и не все историографы разделяют такую оценку⁵³, но несомненно одно: журнал сохранился как академическое издание, поднялся на качественно новый уровень и в немалой степени способствовал развитию фольклорно-этнографических исследований в нашей стране, выдвижению новых молодых сил, сыгравших в дальнейшем определяющую роль в развитии нашей науки⁵⁴. Душой, организатором всей этой работы был Маторин. В своей деятельности он опирался на поддержку членов редколлегии — ученых старшего поколения, таких, как Н.Я.Марр, С.Ф.Ольденбург и В.Г.Богораз, а также творческой молодежи — С.М.Абрамзона, И.Н.Винникова, Н.И.Гаген-Торн, А.Г.Данилина, А.И.Клибанова, М.И.Шахновича. Среднее поколение было представлено С.Н.Быковским, Я.П.Кошкиным,

М.Ю.Пальвадре. В редакцию были включены и москвичи Э.К.Мансуров и А.А.Тахо-Годи. В 1934 г. Маторин уже оставался только в составе редколлегии.

Много сил и энергии он отдал организации и изданию «Трудов Института по изучению народов СССР», редактированию «Известий ГАИМК», под его редакцией вышла целая серия работ его учеников и коллег и другие работы. Редакционно-издательская деятельность Николая Михайловича развертывалась не только в Ленинграде, но и во всеююзном масштабе. Например, как член редколлегии «Уральской советской энциклопедии» он организовал и возглавил в ней отдел этнографии⁵⁵. Под его редакцией выходили книги и в Москве⁵⁶.

* * *

Творческие интересы Маторина были весьма разнообразны. Его глубоко интересовали проблемы определения предмета этнографии и ее соотношения и размежевания с другими историческими науками, проблемы истории религиозных верований, религиозного синкретизма, методика и методология этнографических исследований, краеведение, фольклор, формы социальной организации, история науки и т.д.

Конечно, подходы Николая Михайловича к определению этнографии как науки следует рассматривать в контексте того сложного времени, когда бурлили страсти в дискуссиях о формациях и укладах, о правомерности деления народов на исторические и неисторические, о внедрении марксистской методологии в исследования, о борьбе с «буржуазно-империалистической» и «клерикальной» этнологией и т.д.⁵⁷. Это порой заставляло Маторина идти на компромисс, давать полемически заостренные оценки позиций коллег или обтекаемые формулировки.

Маторин возглавил в 1930 г. этнографическую секцию Общества историков-марксистов при Ленинградском отделении Коммунистической Академии. С октября этого года секция значительно активизировала свою работу. На ее заседаниях были заслушаны доклады на самые различные темы: «Доклассовое общество как первобытнокоммунистическая формация» А.М.Золотарева, «О работах современных американистов» В.Г.Богораз, «Методология Фрэзера» В.К.Никольского, «Культурно-историческая школа в этнографии и ее критика» И.Н.Винникова, «Взгляды Ф.Энгельса на развитие рода и семьи в свете новейших этнографических данных» Е.Г.Кагарова и др. На двух продолжительных заседаниях секции обсуждались доклады Н.М.Матори-

на, Я.П.Кошкина и С.Н.Быковского на тему «Национальная политика партии и борьба с уклонами в этнографии». Николай Михайлович выступил также с докладом «Предмет и метод советской этнографии». Бюро секции было тесно связано с организационным комитетом по созыву Всесоюзного этнографического съезда. Особую активность в организации этой работы проявляли Маторин и Кошкин⁵⁸.

Идея созыва этнографического съезда неоднократно декларировалась. Судя по всему, проводилась организационная работа по его подготовке, но съезд так и не был созван. Важными вехами, определившими развитие этнографии, явились совещание московских и ленинградских этнографов в Ленинграде (1929 г.), Всероссийское археолого-этнографическое совещание (там же, 1932 г.) и Первый Всесоюзный географический съезд (там же, 1933 г.)⁵⁹.

На совещании этнографов Москвы и Ленинграда в апреле 1929 г. Маторин выступил с докладом «Этнография и советское строительство», в котором были обрисованы значимость и общественная полезность этнографической работы в эпоху социалистических преобразований⁶⁰. Но основной доклад «Марксизм и этнография» сделал ученик Н.Я.Марра В.Б.Аптекарь, который, кстати, не был избран ни в президиум, ни в секретариат совещания⁶¹. Аптекарь договорился до того, что этнология и марксизм принципиально несовместимы, а потому необходимо ликвидировать этнологию как науку⁶². Очевидно, участники совещания восприняли Аптекаря как идеологического «громилу», взявшего на себя «роль идейного вдохновителя формировавшегося марксистского крыла в этнологии»⁶³. И это, естественно, не могли не учитывать ученые, участвовавшие в совещании. В такой ситуации надо было искать компромисс. «Итогом доклада и горячих прений по нему явился проект резолюции по общим вопросам этнографии, внесенный по предложению В.Б.Аптекаря, Я.П.Кошкина и Н.М.Маторина», — говорится в отчете, написанном двумя последними⁶⁴. Сглаживая возникшие противоречия, Кошкин и Маторин в отчете отметили, что доклад Аптекаря поднял ряд принципиальных вопросов и сыграл на совещании важную положительную роль, но общий ход дискуссии изложили так: «Выступавшие в прениях представители марксистского направления в этнографии с полной очевидностью показали теоретическую несостоятельность ряда буржуазных школ (как то: психологической, биологической и т.д.), доказали действительность и значимость этнографии как особой научной дисциплины, которая, применяя историко-материалистический метод, должна изучать конкретные варианты социально-экономических форма-

ций»⁶⁵ (выделено мною. — *А.Р.*). Вот компромиссная позиция Николая Михайловича, за которую проголосовало и совещание.

Сам-то он понимал, что изучение всех социально-экономических формаций не есть предмет этнографии, а потому не перестраивал структуры руководимых им учреждений по формационному принципу; они продолжали заниматься этнографией. В докладной записке от 9 июля 1931 г., адресованной в Президиум АН СССР, Маторин писал: «Этнография на данном этапе должна рассматриваться как часть единой исторической науки и служить задаче изучения докапиталистических укладов, собирая материал, характеризующий живые остатки этих укладов как в СССР, так и во всем мире»⁶⁶.

Слов нет, на рубеже 20—30-х годов этнография, как и другие общественные науки, переживала отнюдь не лучшие времена, удар следовал за ударом. Неумеренно горячие дискуссии привели к тому, что исчезла этнология как теоретическая дисциплина, к которой был приклеен ярлык «буржуазная наука», а этнографии предписывалось больше заниматься экономикой, изучать социально-экономические формации. Кроме того, в начале 30-х годов на несколько лет прекратилась подготовка кадров этнографов, реорганизации и перестройки отрицательно сказались на развитии науки. Но нельзя во всем этом винить одного человека, а тем более Маторина, который был осторожен в действиях, идя на компромисс на словах⁶⁷.

С моей точки зрения, при анализе положения, сложившегося в отечественной этнографии конца 20-х—начала 30-х годов XX в., следует иметь в виду два аспекта. Первый: дискуссия о предмете этнографии, о ее названии и т.д. Такого рода дискуссии о предмете и задачах науки — правомерное и даже необходимое явление. В свое время Л.С.Берг применительно к географии писал: «Вряд ли относительно какой-нибудь другой науки было столько споров о ее содержании, целях и методах, как относительно географии. Некоторые даже утверждают, что география вовсе не наука, а собрание фактов, понабранных из разных отраслей знаний, как естественных, так и гуманитарных. Но даже и те, кто признает географию за отдельную науку, весьма сильно расходятся в определении ее объема и задач»⁶⁸. Едва ли стоит искать какую бы то ни было партийно-классовую подоплеку в позициях разных географов. Очевидно, важен второй аспект: какими методами и кто добивался пересмотра предмета и задач науки, для нашего случая — этнографии. Как представляется, в конце 20-х годов XX в. были воинствующие, мало смыслившие в этнографии радикалы-марксисты, во главе которых стоял Аптекарь. Были и такие марксисты, которые сами занимались полевой, научно-ис-

следовательской и преподавательской этнографической деятельностью, которые руководили этнографическими учреждениями и соответственно понимали значение этнографии как науки и ее роль в жизни современного им советского общества. К таким принадлежали Маторин и Кошкин (Алькор). Существовали и другие группы, большинство из которых стремилось приобщиться к марксизму (В.Г.Богораз, Д.К.Зеленин, Е.Г.Кагаров и др.). Вокруг каждой из них группировалась молодежь.

Но основная борьба шла между двумя группами марксистов. По мере развития ситуации в партии и в стране первая группа чувствовала себя все более уверенно и занимала атакующие, наступательные позиции. Вторая, дабы сохранить этнографию как науку, вынуждена была пойти на компромисс. Именно в этом аспекте следует оценивать опубликованную в 1931 г. статью Маторина «Современный этап и задачи советской этнографии», в которой он признает несамостоятельный характер этнографии. Видя ее как часть истории (ведь и К.Маркс говорил, что он знает только одну науку — историю, а мы, этнографы, до сих пор защищаем диссертации на степень кандидата или доктора исторических наук) и стремясь во что бы то ни стало сохранить саму науку, он находил для нее свою, особую нишу. Пусть это, может быть, была и узкая ниша, но она давала возможность на практике сохраниться традиционной этнографии. Ведь были и другие призывы. Так, Б.С.Хотинский со страниц журнала «Этнография» призывал: «Нельзя ограничить себя искусственной гранью на одном из общественно-исторических этапов исключительно. Невозможно материальную культуру изучать без людей, без групп, без классов, не скатываясь к фетишизму вещей. В области вещей: почему орнаменты, амулеты, жилища пейзаж и шалаш "дикаря"-кочевника — объект этнографии и в поле зрения исследователя, а украшения стен или "утварь", заводы, картины, архитектура в целом и т.д. этнографом игнорируются. Почему армяк ямщика прельщает этнографа, а риза или фрак или прозодежда отталкивают, производство, фабрики, рынки, город, их взаимоотношения с деревней, с колониями выпадают совсем <...> Изучая материальную культуру людей, коллективов, их быт, язык, этнография должна перекинуться, как на исходную предпосылку, на производство и на экономику, без деления — город, деревня, чтобы не остаться на пол-дороге. Продвигая в этнографию поставленную т. Сталиным задачу приблизить теорию к изучению проблем революционной практики, наша задача археологию и антропологию подчинить этнографии»⁶⁹.

Нельзя было не считаться с пустившим в те годы глубокие корни учением об общественно-экономических формациях: дос-

таточно вспомнить, что Государственная академия истории материальной культуры построила свою структуру по формационному принципу. Обух плетью не перешибешь, и Маторин писал: «Учение об укладах и формациях является чрезвычайно важным и плодотворным для теоретической и практической работы этнографов. В свете его только и возможно ответить наконец на вопрос о предмете и методе этнографии. Теперь совершенно очевидно, что "этнография" теряет свой смысл как особая наука. Существует лишь одна наука — история. Этнография, которая занималась комплексным изучением "первобытных народов" и "пережитков" первобытности у народов "культурных", представляет фактически один из разделов всемирной истории и занята изучением доклассовой общественно-экономической формации (разбивающейся, очевидно, на стадии: тотемистическую или возрастно-половую и родовую), иначе — первобытного коммунизма. С другой стороны, этнография занята анализом "пережитков" (по терминологии классической школы) или "остатков" (по ленинскому выражению) этой формации в обществе феодальном, рабовладельческом и капиталистическом»⁷⁰. Очевидно, помня свое прошлое и идя вынужденно на уступки, Николай Михайлович очерчивал сферу проблем, которыми занята этнография, опираясь на высказывания классиков марксизма. И далее, как бы развивая свой тезис, что у этнографии есть свой предмет, он рассуждает: «Возникает и второй вопрос: как быть с целым рядом актуальнейших вопросов современности, которые уже вошли в поле деятельности этнографов, но которые не покрываются тем определением предмета и границ этнографии, которые мы только что установили? Таковы: изучение быта современной деревни, изучение труда и быта в колхозах, отчасти изучение религиозного быта и т.д.»⁷¹. Николай Михайлович так отвечал на этот вопрос: «Термин "этнография" может и сохранять условное значение для той части исторического знания, которая связана с доклассовым обществом и его пережитками, поскольку они должны изучаться путем непосредственного наблюдения комплексно»⁷². Таким образом, он видит и объект этнографии, и методы его изучения*.

В другом документе, написанном в 1932 г. Маториным или крайней мере при его участии, говорится о необходимости исследования тех «теоретических и вместе с тем практических, политически заостренных проблем, при изучении которых этно-

* О положении в советской этнографии и своем понимании предмета и задач этой науки Н.М.Маторин писал в 1931 г. Ю.П.Аверкиевой, находившейся на стажировке в США. См.: *Нутбург Э.Л.* Ю.П.Петрова-Аверкиева: ученый и человек. (Наст. изд., с. 407. — *Ред.*)

графические материалы могут сыграть особо важную роль. Такими проблемами являются: а) процессы этногенезиса и расселения этнических и национальных групп; б) материальное производство в его конкретных вариантах; в) происхождение семьи; г) происхождение классов; д) происхождение и формы религии, искусства и других надстроек⁷³. Практически, а не на словах, Маторин не отрицал да и не мог отрицать этнографию как науку, ибо он был директором МАЭ, заместителем директора ИПИНа, ответственным редактором журнала «Советская этнография», а в феврале 1933 г., как будет рассказано ниже, возглавил ИАЭ АН СССР, делал все возможное в тех условиях для их успешной деятельности. Как бы забывая о своих словах, он писал в только что цитированном документе об этнографии как о науке, такой же, как археология или фольклористика⁷⁴. Отбрасывая полемическую шелуху, снимая политический налет с его утверждений, мы не можем не признать, что многие его высказывания об этнографии и соотношении ее со смежными науками, о требованиях, предъявляемых к этой научной дисциплине, звучат актуально и сегодня. Например: «Я заранее подтверждаю старое этнографическое правило о необходимости знания языка изучаемого народа <...> Исследователи, работающие по истории хозяйства, права, религии и т.д., должны обязательно знакомиться с языком или языками изучаемой ими группы народов, чтобы иметь возможность непосредственного живого общения»⁷⁵. Или: «Необходимо укрепить научно-исследовательские институты и музеи, внедрить этнографические знания в школы и широкие массы трудящихся, развернуть популяризационную работу»⁷⁶. Разве сегодня нам еще не ясно, сколько бед нашему обществу приносит массовая этнографическая неграмотность? Николай Михайлович еще в самом начале 30-х годов предлагал бороться с нею. Мы и в наши дни повторяем за ним: «Необходимо координировать работу этнографов с усилиями специалистов сопредельных дисциплин — истории, археологии, лингвистики, фольклора <...> необходимо поставить на деловую ногу подготовку этнографических кадров в вузах и через аспирантуру. Съезды этнографов следует созывать периодически»⁷⁷. Факты показывают, что Николай Михайлович заботился о перспективном развитии этнографии как науки и сам как ученый развивал ее.

И если на деле Маторин не отрицал этнографию как науку, то почему он все время шел на уступки, хотя бы частично присоединяясь к чуждым ему мнениям, озвучивая их в своих работах? Во-первых, он понимал опасность, исходившую от Аптекаря и его сподвижников. Т.Д.Соловей, рассказывая об одном из выступлений Аптекаря в 1929 г., отмечает: «Если в тезисе об отече-

ственной этнологии как "суррогате буржуазного обществоведения" не было ничего нового, то его выпады против "отцов современной этнологии" носили характер прямой политической инвективы»⁷⁸. А это уже было небезопасно — иметь дело с таким оголтелым радикалом-марксистом. Во-вторых, Маторин имел негативный опыт оппозиционной борьбы, поддержав в свое время платформу Зиновьева. В-третьих, в эти годы он активно общался со свергнутым с партийного Олимпа бывшим членом Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И.Бухариным⁷⁹, принимая участие в работе возглавляемой им Комиссии по истории знаний⁸⁰. И это общение только убеждало его в необходимости быть предельно осторожным, и он старался быть таковым.

* * *

Николай Михайлович вошел в историю нашей науки как один из крупнейших специалистов по истории народных верований и мировых религий⁸¹. Его вклад в науку в полном объеме еще предстоит изучить, ибо в течение нескольких десятилетий его имя как исследователя фактически замалчивалось, а его труды и в наши дни практически малодоступны даже специалистам: ведь в свое время они были просто-напросто изъяты из библиотек и уничтожены⁸². Только единичные экземпляры их сохранились в отделах специального хранения крупнейших библиотек страны и чудом в книжных собраниях отдельных ученых.

В круг научных интересов Маторина входило изучение всего процесса развития религиозных верований. В частности, проблемам возникновения ранних форм религиозных воззрений посвящены его работы «Первобытный коммунизм» и «Религия в родовом обществе», вошедшие в изданный под его редакцией сборник статей «Первобытное общество»⁸³.

Наибольший вклад Николай Михайлович внес в исследование проблем религиозного синкретизма. «Пионером в работе по изучению восточноевропейского религиозного синкретизма в советское время в Ленинграде, — писал А.А.Невский, — конечно, надо считать Николая Михайловича Маторина»⁸⁴. Еще в середине 20-х годов он читал на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ курс «Верования русской деревни», который постепенно превратился в семинар. Затем изучение религиозного синкретизма было продолжено в ГАИМКе, где с августа 1929 г. начал работать Николай Михайлович. В 1929—1931 гг. при активном участии Маторина в ГАИМКе велась большая целенаправленная работа по составлению религиозно-бытовой карты, в связи с чем проводились интенсивные полевые

исследования в Ленинградской и соседних с ней областях, а также на Севере. Достойно сожаления, что в дальнейшем такого рода картографические работы в религиоведении не были продолжены. По инициативе Маторина в ГАИМКе была создана (работала под его руководством) группа по изучению истории культов как преемница Комиссии по составлению религиозно-бытовой карты СССР. В ее составе были этнографы ГАИМКа, МАЭ, ИПИНа и других научных учреждений города. С осени 1930 г. по июль 1931 г. с докладами и сообщениями выступали И.И.Мещанинов, Д.К.Зеленин, П.П.Ефименко, А.Г.Данилин, М.Г.Худяков, М.Ю.Пальвадре, А.А.Невский, Г.А. и Н.А.Никитины, А.И.Новиков, Е.Р.Лепер и др. Среди участвовавших в заседаниях — В.В.Струве, Е.Г.Кагаров, В.Г.Богораз. Доклады Николая Михайловича были посвящены культу женских божеств в свете яфетической теории и русским юродивым⁸⁵.

После образования Музея истории религии и атеизма АН СССР здесь в секции по изучению верований народов СССР также исследовались проблемы религиозного синкретизма и сектантства. В докладах А.Г.Данилина, А.И.Васильева, А.Я.Дуйсбург, Г.А. и Н.А.Никитиных, И.Н.Винникова, Н.В.Малицкого, В.В.Ломиа-Бардавелидзе и др. содержался большой конкретный материал по этим проблемам. «Руководитель группы Н.М.Маторин старался привлекать для собраний участников различных этнографических экспедиций», — сообщает А.А.Невский⁸⁶. Маторин выступал здесь с докладами «Русские юродивые» (10 сентября 1932 г.), «К вопросу об изучении религиозного синкретизма» (14 июня 1933 г.), «Религиозные пережитки в Пушкинском районе Ленинградской области» (26 сентября 1933 г.), «Об изучении верований народов Советского Союза» (9 февраля 1934 г.), «Марийская секта кугу-сорга» (материалы В.А.Мухина с комментариями Н.М.Маторина, 9 марта 1934 г.)⁸⁷.

Среди работ Маторина по проблемам религиозного синкретизма особо важное место занимает монография о религии у народов полиэтнического и поликонфессионального Волжско-Камского региона⁸⁸. Рассмотрев различные формы древнейших народных религий этого края (представления о душе, культ предков, почитание умерших, сохранение священных рощ, жертвоприношение, праздники и запретные дни, знахари и народная медицина и т.д.), он проанализировал разнообразный этнографический материал о таких формах религиозного синкретизма, как мусульманское и православное язычество. У чувашей, например, издавна бытовало особенное, священное отношение к дереву. В каждой конкретной местности выделялись свои, особо почитаемые деревья, которым давались даже собственные имена.

Посадкой деревьев чувашаи отмечали наиболее значительные события в личной и общественной жизни. Религиозные верования, их синкретический характер, столь подробно и ярко изученные Маториным, сохраняются и в наши дни. Так, по случаю празднования тысячелетия крещения Руси один верующий чуваш посадил более полутора тысяч деревьев!⁸⁹

Для обоснования своих теоретических положений о формировании и бытовании религиозного синкретизма Маторин широко использовал сравнительный этнографический материал по самым разным народам. «Христа и апостолов мордвин-крестьянин представляет "по образу и подобию своему", в мордовских рубашках, портах и лаптях <...> Совершенно логично с этой точки зрения, что католические миссионеры распространяют в Китае портреты Римского папы с китайской физиономией, а в Африку посылают Библии, где святые изображены черными, а Богородица выглядит курчавой негритянкой»⁹⁰.

Эта книга Маторина получила множество положительных отзывов самых разных ученых. Все они отмечали, что его исследование построено на большом оригинальном полевом, литературном и музейном материале, собранном автором. Очень важно, что в процессе создания рукописи автор консультировался также с местными этнографами. Сохранился положительный отзыв проф. Е.Г.Кагарова на эту работу⁹¹. Публикацию ее горячо поддержал А.М.Горький⁹². Еще на рукопись в 1927 г. дала отзыв Н.К.Крупская, которая указала на значительное преобладание материала о старых верованиях и недостаточный показ изменений в религиозной жизни в советский период⁹³.

В работе «Православный культ и производство» Маторин, основываясь на народном понимании образов христианских святых, установил наследственную связь древних славянских божеств — помощников в различных производственных занятиях (земледелии, скотоводстве, охоте, собирательстве, рыболовстве, ремеслах и т.д.) и образов православных покровителей тех же занятий⁹⁴. Степень развития культа того или иного святого в конкретной местности определялась значением здесь этого вида хозяйственной деятельности⁹⁵. Это, в частности, можно проследить на примере почитания святого Егория — покровителя скотоводства. В земледелии — основном занятии восточных славян — различные святые обеспечивали успех каждого этапа земледельческого труда: от сева (весеннего или осеннего) до уборки урожая.

И естественно, что главными святыми считались те, которые могли оказать влияние при самых различных жизненных и хозяйственных обстоятельствах. В этой связи особого рассмотрения

заслуживает проведенный Маториным анализ эволюции образа женского божества в православии⁹⁶. Истоки его исследователь находил в многочисленных женских культах водно-лесных существ (берегинь, русалок и др.) на этапе собирательно-охотничьего хозяйства. Основываясь на научных концепциях, господствовавших в то время, в частности разделяя концепцию акад. Н.Я.Марра о стадийности развития языка и общества, Маторин анализировал становление женского образа божества, привлекая материалы о женско-мужском характере некоторых божеств, о трансформации богини в бога и т.д. Он напрямую связывал культовые формы и тип производства⁹⁷. «Богородица для крестьянина-земледедца заменила и мать сыру землю, культ которой, сам по себе, вероятно, появился позднее охотничьих. В различных географических полосах она давала свое покровительство различным промыслам, спасала от града и засухи, посылала удачу рыболовам и земледельцам»⁹⁸. Верующие женщины видели в Богородице прежде всего покровительницу семейного счастья и богатства, незамужние девушки ждали от нее помощи в поисках хороших женихов и заключении удачных браков, замужние женщины просили обеспечить счастливую семейную жизнь, рассматривали ее как целительницу, чадоподательницу и помощницу при родах. Богородица на Руси почиталась и как военное божество. Сложилось устойчивое представление, что божество не только постоянно проявляет милость, но и, владея силами природы, может сурово покарать провинившихся. Как подчеркивал Маторин, Богородица — существо высшего синкретического порядка, к которому, по народным верованиям, надлежит обращаться за помощью в любых, самых различных жизненных ситуациях.

Эта монография построена на значительном этнографическом и фольклорном материале и представляет немалый интерес для современного исследователя своими выводами. И хотя эта работа с середины 30-х годов была изъята из научного оборота, она не потеряла своего значения и сейчас⁹⁹. Все последующие исследования по этой теме только подтвердили основные выводы ученого. Обратимся к авторитету В.И.Чичерова, который писал: «Слившиеся образы Параскевы Пятницы и Богоматери представляют собой главное женское божество, истоки которого надо искать в дохристианских верованиях восточных славян. Этому божеству дано было христианское имя. Обряды, связанные с ним, прикреплялись к датам аграрного календаря, получившим название по именам святых, празднуемых в эти дни соответственно церковным святым. Но сущность осталась той же. Исконный образ древнего божества, унаследованный земледельче-

ской Богоматерью — Пятницей, подчинил себе и объединил все другие образы христианских святых, которые почитались покровительницами женщин»¹⁰⁰. Заслугой Николая Михайловича является то, что он показал универсальный, всеобъемлющий характер этого женского божества в православии.

Диапазон исследований Маторина в области изучения религии необычайно широк — от исследования религиозно-бытового православия до современных религиозных процессов. Более того, он рассматривал эволюцию религиозных образов не только и не столько в ретроспективном плане, но и как живой, постоянно идущий процесс. На новом, современном ему религиозноведческом и этнографическом материале он пытался показать феномен формирования новых святых в православном культе¹⁰¹.

Как считает на основании изучения архивных материалов Г.А.Носова, все эти исследования «являлись ступенью к задуманной им двухтомной монографии по бытовому православию, первая часть которой готовилась им к печати»¹⁰².

Николай Михайлович придавал большое значение методологии изучения религиозного синкретизма. Давая определение понятия «религиозный синкретизм», он писал: «Под ним принято подразумевать смешение представлений и культовых действий, относящихся к различным религиозным системам. Частными случаями религиозного синкретизма являются известные всем моменты "двоеверия" или даже "троеверия" <...> То, что принято было называть "народными" культами или "антропологическими" религиями, будучи связанным тысячами переходных звеньев с религиями "высшими" или "сложными", есть на самом деле результат переживания "остатков" прежних формаций в более развитых»¹⁰³. Основываясь на громадном материале, накопленном по этому вопросу в этнографической, исторической и религиозноведческой литературе, и учитывая распространенность различных форм религиозного синкретизма, Маторин предпринял попытку классификации этих форм. Им выделены три группы явлений: 1. «Факты переживаний более примитивных культов в более сложных. Таковы все элементы анимизма, фетишизма и магии в буддизме, христианстве и исламе». 2. «Факты, когда элементы более сложных культов внедряются в более примитивный культ, сохраняющий, однако, целостность основной концепции и характера. Таково, например, воздействие буддизма или христианства на шаманизм». 3. «Явления, когда налицо смешение представлений и культовых действий нескольких сложных религий. Сюда относятся взаимные скрещения христианских, мусульманских и буддийских религиозных культов»¹⁰⁴. Определяя понятие «пережиток» как явление в истории культуры, Ни-

колай Михайлович рассматривал его взаимосвязи как с уже отжившим социально-экономическим укладом, так и с реальной структурой современного общественного организма. Для него важно было прежде всего понять механизм функционирования того или иного явления и проследить его генезис в зависимости от изменений в жизни общества. Только в этом контексте, считал исследователь, можно наиболее точно раскрыть существо религиозного пережитка¹⁰⁵. Как можно видеть, здесь автор не только искал пережитки примитивных культов в развитых мировых религиях, но и, осмысливая и объясняя весь спектр форм проявлений религиозного синкретизма, творчески, как подобает настоящему ученому, подходил к анализу предмета.

Большое количество научных статей Маторин опубликовал в таких журналах, как «Антирелигиозник», «Безбожник», «Воинствующий атеист». Все его работы по исследованию проблем религии в той или иной мере должны были способствовать антирелигиозной пропаганде. Исходя из практических потребностей того времени, Николай Михайлович особое внимание обращал на изучение степени религиозности населения различных конкретных регионов, пытался понять специфику ситуации в них, осмыслить проблему в теоретическом и практическом планах. Много сил он отдал совершенствованию методики антирелигиозной работы на разных уровнях, поискам гибких, отвечающих конкретным условиям форм воздействия на верующих. Здесь уместно напомнить, что в 1932—1934 г. Маторин возглавлял Ленинградский областной совет Союза воинствующих безбожников (СВБ), а с июля 1930 г. состоял членом Исполнительного бюро Центрального совета СВБ СССР. Ленинградская организация СВБ была одной из лучших и дееспособных в стране. Укомплектованная лучше других научными кадрами пропагандистов, лекторов-антирелигиозников, она планомерно вела работу по просвещению народных масс. Позднее организация была разгромлена, а ее руководитель Маторин подвергся критике со стороны руководителей Центрального совета Союза Е.М.Ярославского и Ф.Олещука сначала за слабую активность в работе, позднее его обвиняли уже в преступной, вражеской деятельности¹⁰⁶.

Вне всякого сомнения, научную и особенно практическую деятельность ученого в этом направлении сегодня следует рассматривать строго в контексте того времени. Очевидно, какие-то выводы устарели или просто оказались неверными. Кстати, сам исследователь, внимательно следя за новыми материалами и теориями, критически оценивал сделанное им и пересматривал ранее высказанные им положения¹⁰⁷. Главным достоинством работ Маторина являлись их солидная источниковедческая база, как

правило, строгий научный подход к анализу материала. Не случайно оппоненты нередко критиковали его за это. Так, в одном обзоре можно прочитать: «Отличаясь обилием фактического материала, работы т. Маторина, однако, страдают налетом некоторой академичности»¹⁰⁸. Но основные его труды выдержали проверку временем и после его реабилитации пережили второе рождение, вновь становясь достоянием науки. К ним нередко обращаются современные исследователи для подтверждения своих построений и выводов¹⁰⁹.

В своих исследованиях Николай Михайлович касался самых разнообразных проблем этнографии. Наибольший интерес у него всегда вызывали сюжеты, связанные с традиционными верованиями и религией народов, среди которых ему пришлось побывать даже короткое время. Так, встречаясь в Приволжье с калмыками, он обратил внимание на своеобразное обращение верующих буддистов со своими божествами: «Мажут им мордочку сметаной, маслом, а в случае неудачи — бьют»¹¹⁰.

И сегодня для нас представляют большой интерес его наблюдения о межнациональных отношениях в регионе. «Следы исконной вражды казаков с "иностранцами" еще сохранились до сих пор. Гордый казак не равняет себя с крестьянином. Он — "хлебороб"»¹¹¹. Еще тогда Маторин предупреждал, что уничтожить следы этой старой вражды, имеющей свои определенные глубинные причины, будет не так-то легко¹¹². В наше время это предостережение ученого звучит весьма злободневно¹¹³.

В последние годы жизни в научных интересах исследователя все большее место занимал фольклор. На состоявшемся в декабре 1933 г. Первом совещании писателей и фольклористов он принципиально отстаивал идею близкой связи фольклора именно с этнографией, говорил о научно-историческом значении фольклора. Было решено образовать специальное бюро Союза писателей как постоянную организацию для совместной работы фольклористов и писателей, а Николай Михайлович был избран членом этого бюро¹¹⁴.

В начале 1934 г. получает оформление идея проведения в декабре того же года I Всесоюзной конференции по фольклору. Инициатором ее созыва был Маторин. Оргкомитет возглавил акад. И.И.Мещанинов, в него вошли Н.М.Маторин, А.А.Тахо-Годи, Ю.М.Соколов, В.М.Жирмунский, М.К.Азадовский и др. Предполагалось, что Николай Михайлович выступит с докладами «Фольклор и антирелигиозная пропаганда» и «Место фольклора в ряду исторических дисциплин»¹¹⁵.

В Институте языка и мышления под руководством Маторина был организован специальный семинар по фольклору и его свя-

зи с лингвистикой. За короткий срок сам руководитель выступил с докладами, посвященными фольклорным работам Поля Лафарга, Ф.И.Буслаева, А.Н.Афанасьева, А.Н.Веселовского¹¹⁶.

* * *

Знакомство с обширными, прежде всего архивными, материалами дает право утверждать, что у Николая Михайловича на научной и личной почве были довольно близкие отношения со многими учеными, например с акад. С.Ф.Ольденбургом, акад. Н.Я.Марром, членом-корр. АН СССР Д.К.Зелениным, профессорами В.Г.Богоразом, М.К.Азадовским, Б.М. и Ю.М.Соколовыми, И.И.Зарубиным и др. С.Н.Маторина, дочь ученого, вспоминает, что в их доме были книги В.Г.Богоразы с дарственными надписями — их читали и взрослые, и дети. Владимир Германович был хорошим рассказчиком, и дети особенно ожидали его прихода к ним в гости.

Н.М.Маторин принял участие в юбилейном сборнике, посвященном С.Ф.Ольденбургу, а после его кончины выступил в Географическом обществе с докладом «С.Ф.Ольденбург как этнограф»¹¹⁷. Памяти своего московского друга Б.М.Соколова он также посвятил скорбные слова прощания¹¹⁸. Николай Михайлович принадлежал к числу таких ученых, которые искренне приняли учение Н.Я.Марра и пропагандировали его¹¹⁹. 28 августа 1931 г. М.К.Азадовский писал ему: «<...> говорят, Вы еще не скоро выберетесь к нам, — мне же хочется поговорить с Вами о куче разных дел, из которых некоторые представляются довольно срочными <...> Я считаю совершенно необходимым организовать специальное издание под примерным названием что-либо вроде "Бюллетеня фольклорной секции"»¹²⁰.

Близкие, неформальные отношения связывали Николая Михайловича с его учениками, среди которых следует назвать в первую очередь Н.Н.Волкова, Н.А.Кислякова, А.И.Клибанова, Л.П.Потапова, М.И.Шахновича, молодыми сотрудниками Н.И.Гаген-Торн, Н.П.Дыренковой, И.В.Карнауховой, И.Н.Винниковым и др. Дружески принимали в доме Маторина стажера из США индейца Арчибальда Финнея (Арчи), у которого даже завязался роман с одной из родственниц хозяина.

Но все больший размах и частоту приобретали политические дискуссии, чистки, приводившие к обострению отношений, как это, например, произошло с известным теоретиком в области этнографии и археологии С.Н.Быковским. Прежде Маторин и Быковский были единомышленниками, соратниками. Когда у Сергея Николаевича обострились отношения в ГАИМКе, Мато-

рин пригласил его на работу в ИАЭ возглавить археологический отдел. Позднее сам Быковский так охарактеризовал свое отношение к бывшему другу и коллеге: «Работая с 1930 г. в Ленинграде, столкнулся в практической работе с двурушником Маториным, которого неоднократно разоблачал, в частности за год до его ареста на партийной чистке ставил вопрос о том, что субъективно или объективно он противодействует линии партии»¹²¹. В те годы это не могло не отразиться на судьбе Николая Михайловича.

Маторин, несомненно, был опытным руководителем, понимавшим, с одной стороны, интересы подлинной науки, а с другой — жесткие требования времени, партийных и государственных властей. Как директор учреждения и член партии он был хорошо информирован о жизни страны и партии, о всех важных событиях. И это заставляло его быть предельно осторожным. И в то же время руководимые им научные учреждения не всегда следовали идеологизированным установкам, продолжая по преимуществу заниматься традиционной этнографией.

Н.М.Маторин пользовался уважением в руководимых им научных коллективах. В Архиве РАН хранится приветственный адрес, врученный Николаю Михайловичу по случаю его 35-летия, в котором дана объективная оценка его деятельности: «Не будучи специалистом-этнографом, Вы быстро уяснили истинные интересы, задачи и перспективы нашей многострадальной науки — этнографии, которая так долго была предметом злостных экспериментов, и сделали все зависящее от вас для того, чтобы вывести наш Институт из тупика <...> В тяжелую эпоху жизни нашего Института Вы Вашим чутьем и высоко гуманным отношением поддерживали во всех нас энтузиазм и тесную сплоченность <...>»¹²². Отмечалось и чуткое отношение к ученым-специалистам, и оздоровление атмосферы в коллективе, и создание нормальных условий для дружной и плодотворной работы, и внимание к росту молодых кадров этнографов как в АН СССР, так и в ЛГУ, и непреклонная борьба с легкомысленным отношением к делу, верхоглядством, бахвальством и безответственностью. Напомню только один показательный случай. После доклада Д.К.Зеленина «Итоги и перспективы изучения материального производства за 15 лет» на I Всесоюзном географическом съезде в апреле 1932 г. выступившие в прениях А.К.Супинский, С.П.Толстов, В.И.Равдоникас, Е.Ю.Кричевский, А.Н.Бернштам, И.И.Смирнов, Я.П.Кошкин обвиняли Зеленина в вульгарном упрощенстве и панславизме, и только Маторин тактично взял его под защиту, отметив, что «докладчик за последние годы старается продвинуться в деле овладения марксизмом и внедрения

его в практическую работу и что основное достоинство докладчика в том, что он занимается конкретными темами материального производства»¹²³. Кстати, С.Н.Быковский, Я.П.Кошкин, С.А.Токарев, С.П.Толстов и другие выступили тогда же с резкой критикой доклада Маторина «Советская этнография за 15 лет и ее дальнейшие задачи» за отсутствие связи между предложенной им периодизацией советской этнографии и периодизацией социально-экономической и политической жизни Советского Союза¹²⁴.

2 февраля 1933 г. Общее собрание АН СССР утвердило постановление Отделения гуманитарных наук о слиянии МАЭ и ИПИНа¹²⁵. 15 февраля уже начал функционировать созданный на их базе ИАЭ АН СССР¹²⁶. Николай Михайлович стал первым его директором. Институт структурно, помимо отделов Музея, состоял из трех секций. Под председательством Маторина в Институте работала комиссия содействия местным научно-исследовательским институтам. В Институте возникли новые подразделения, например группа первобытного коммунизма, была значительно активизирована деятельность Ученого совета, рабочего совещания и т.д. Здесь постепенно были собраны ведущие ленинградские этнографы, антропологи и частично археологи. К работе в Музее и Институте Маторин привлек ряд молодых талантливых ученых, в том числе С.М.Абрамзона, И.Н.Винникова, С.В.Иванова, Н.А.Кислякова, Н.Ф.Прыткову и др. Для работы в ИАЭ были приглашены американский ученый Р.Ф.Бартон и индийский ученый В.А.Чатопадайя, на стажировку в США была направлена Ю.П.Аверкиева, в Институте проходил аспирантскую подготовку американский индеец А.Финней¹²⁷.

ИАЭ, возглавляемый Маториным, с первого года своего существования превратился в крупное, ведущее в стране комплексное научное учреждение с широкими внутрисоюзными и международными связями.

Н.М.Маторин планировал поездки советских этнографов для полевой работы за границей. В 1932—1933 гг. предполагалось послать первую советскую зарубежную экспедицию в Индонезию и на Новую Гвинею «для изучения одного (или группы) из примитивнейших народов земного шара по марксистскому методу», хотя Николай Михайлович понимал, что для этого «придется преодолеть много политических и технических затруднений»¹²⁸. Как известно, именно эти препятствия не удалось преодолеть, и экспедиция не состоялась, да уже и не могла состояться в те годы.

Отчеты о работе МАЭ и ИПИНа за 1930—1932 гг., а также ИАЭ за 1933 г. — годы руководства Маторина этими коллективами — свидетельствуют об организации в них разносторонней

Н.М.Маторин. Начало 30-х годов

научной деятельности. Так, хорошо понимая организующую роль печатного органа, Маторин с первых шагов своей деятельности в ИАЭ приступает к созданию серии «Труды Института антропологии и этнографии АН СССР». В 1934 г. в свет выходит под его редакцией первый выпуск первого тома этого издания, и в нем была напечатана чисто этнографическая работа Д.К.Зеленина «Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма». Она была сдана в набор 20 декабря 1933 г. при директорстве Маторина, подписана к печати 13 февраля 1934 г. уже при другом руководителе Института. Вышедший в том же году выпуск второй — монография Д.Н.Лева «К истории горного дела», подготовленная к печати Николаем Михайловичем, — уже был подписан другим ответственным редактором, по должности¹²⁹.

Создавая ИАЭ как ведущее в системе АН СССР учреждение по этим наукам, Маторин строил самые разнообразные, поистине грандиозные планы. О них, в частности, можно судить по его недавно опубликованному письму французскому ученому Андре Вараньяку¹³⁰. В нем он подробно характеризует основные направления деятельности Института в целом и ведущих сотрудни-

ков в отдельности, сообщает о состоявшихся контактах с ведущими американскими этнографами, предлагает активизировать советско-французские научные связи, включая обмен музейными коллекциями и т.д. Буквально с первых дней создания ИАЭ Николай Михайлович развернул кипучую деятельность по организации научных исследований и музейной работы. В этих целях в Институте была сформирована соответствующая новая структура. Были образованы следующие секции и группы: этнографическая секция под руководством директора с группами материального производства (первобытной техники) во главе с Д.К.Зелениным, социальных отношений первобытного общества во главе с И.Н.Винниковым и первобытной идеологии (религия и искусство) во главе с В.Г.Богоразом; антропологическая секция во главе с Б.Н.Вишневским и фольклорная — под руководством М.К.Азадовского, с двумя исследовательскими группами, которые возглавили М.К.Азадовский (современный фольклор) и Е.Г.Кагаров (фольклор докапиталистической формации). Музей теперь состоял при Институте, в нем были отделы антропологии (Б.Н.Вишневский), археологии (С.Н.Замятнин), а также Сибири (В.Г.Богораз), Передней и Средней Азии (И.И.Зарубин), Индии (В.А.Чатопадайя), Дальнего Востока (Н.В.Кюнер), Северной Америки (С.А.Ратнер-Штернберг), Южной Америки (временно без руководителя) и Африки (Д.А.Ольдерогге). В Институте были собраны высококвалифицированные кадры этнографов, антропологов и археологов. Стали регулярно читаться научные доклады (в среднем 8—10 докладов в месяц) на самые разнообразные темы, с которыми выступали как сотрудники Института, так и приглашенные гости, например москвич В.А.Городцов и ленинградец В.М.Жирмунский. Предпринимались активные шаги к установлению международного сотрудничества как по линии ИАЭ, так и по линии журнала «Советская этнография».

Очевидно, напористая практическая деятельность Маторина на посту директора нового Института к концу 1933 г. уже не устраивала определенных руководящие, прежде всего идеологические, органы. Кое-кто не упускал случая напомнить о его участии в партийной оппозиции. Против него велась открытая и скрытая борьба, постоянно плелись закулисные интриги, что и заставило Николая Михайловича подать заявление об уходе с поста директора Института. Нельзя исключать и такого варианта, что ему было предложено подать в отставку. Заслуживает внимания решение Президиума АН СССР от 23 декабря 1933 г. по кадровым перестановкам в ИАЭ: «§ 17. Доложено заявление Н.М.Маторина об освобождении его от должности директора Института антропологии и этнографии. Постановлено: 1) Осво-

бодить Н.М.Маторина от должности директора Института антропологии и этнографии, согласно его заявления, с 1 января 1934 г. с оставлением его в должности старшего специалиста. 2) Утвердить акад. И.И.Мещанинова в должности директора Института антропологии и этнографии с 1 января 1934 г. с последующим утверждением Отделением общественных наук и Общим собранием. 3) Учредить должность заместителя директора Института антропологии и этнографии и утвердить в этой должности А.А.Бусыгина с 1 января 1934 г. 4) Поручить акад. И.И.Мещанинову и А.А.Бусыгину приступить к приему дел с таким расчетом, чтобы Н.М.Маторин был освобожден от административных обязанностей с 1 января 1934 г.»¹³¹.

Конечно, с точки зрения академической науки может показаться логичным назначение на пост директора Института в системе АН СССР академика, в данном случае И.И.Мещанинова¹³². Однако, пожалуй, нельзя не обратить внимание на два обстоятельства. Освобождение Маторина и назначение Мещанинова производились явно в спешке, без решения Отделения общественных наук и Общего собрания АН СССР. И если бы Маторин сохранял доверие вышестоящих партийных органов, его по крайней мере могли бы назначить на вновь утвержденный пост заместителя директора Института, но и этого не произошло. Напрашивается вывод, что Маторина просто в большой спешке «убирают» с руководящей должности. Здесь уместно напомнить, что в начале 30-х годов постепенно снимались со всех мало-мальски руководящих постов бывшие «зиновьевцы». Вполне вероятно, что вспомнили и о Маторине. Вне всякого сомнения, при новом директоре явно для усиления идеологического влияния и контроля специально учреждается должность заместителя директора Института, на которую назначается специалист по марксизму и опытный кадровик А.А.Бусыгин¹³³. Назначение Бусыгина в определенной степени объясняет причины ухода Маторина с должности директора: одного его теперь заменяют двое, у каждого из них явно свои обязанности и полномочия. Маторин должен спешно сдать дела, чтобы новое руководство через неделю, с 1 января 1934 г., начало по-новому руководить Институтом. Акад. И.И.Мещанинов, для которого этнография являлась маргинальной областью его научных занятий, мало интересовался делами ИАЭ. Руководящую роль откровенно стал играть А.А.Бусыгин. Итак, с 1 января 1934 г. по штатному расписанию Института Н.М.Маторин уже значился старшим специалистом.

В 1934 г. в ИАЭ была введена новая структура, и основными научно-исследовательскими ячейками стали кабинеты, группы и

секции, функционально отражающие основные направления научных исследований. Маторин возглавил деятельность двух крупных групп: первобытного коммунистического общества и фольклора доклассового общества. К участию в их работе были привлечены ведущие ученые и творческая молодежь: В.Г.Богораз, Д.К.Зеленин, В.А.Городцов, М.К.Азадовский, С.А.Ратнер-Штернберг, С.Н.Быковский, И.Н.Винников, В.А.Чатопадая, М.Д.Торэн, К.М.Мыльникова, А.С.Форштейн, А.И.Никифоров и др.¹³⁴ Николай Михайлович сам активно выступал с докладами: «Н.Я.Март и историческая наука», «Эволюционная школа в этнографии», «Значение работ А.Н.Афанасьева в области сравнительной мифологии и советская фольклористика»¹³⁵. Был подготовлен и сдан в печать сборник, посвященный 50-летию выхода в свет книги Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В том же, 1934 г. под редакцией Маторина были переданы в издательство два первых тома из запланированного шеститомного справочника «Народы СССР»¹³⁶.

В 1934 г. в Ленинграде в издательстве АН СССР под редакцией Николая Михайловича выходит первый выпуск сборника «Советский фольклор», который задумывался как неперIODическая серия «Трудов фольклорной секции Института антропологии и этнографии АН СССР». Он был посвящен исключительно проблемам современного фольклора — фольклора Октябрьской революции и гражданской войны¹³⁷.

С 12 по 16 июня 1934 г. Н.М.Маторин принимал деятельное участие в научно-исследовательской конференции по антирелигиозной работе, после которой он выехал до 1 июля в Мордовию для руководства этнографической экспедицией, а с 1 сентября по 5 ноября находился по заданию АН СССР в командировке в Северной и Южной Осетии, Абхазии и Азербайджане¹³⁸.

В «Советской этнографии» (1934, № 6) среди юбилейных статей, посвященных 50-летию выхода в свет книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф.Энгельса, должна была быть напечатана статья Маторина «Пережитки матриархата в религии народов Поволжья»¹³⁹.

30 декабря 1934 г. Маторин принимал участие в расширенном научном совещании Музея истории религии АН СССР, посвященном вопросам изучения религии доклассового общества, которое состоялось в малом конференц-зале АН СССР в Ленинграде. Как позднее сообщалось в отчете, со вступительным словом выступил В.Г.Богораз, в совещании участвовали А.И.Тюменев, В.В.Струве, И.Г.Франк-Каменецкий, П.П.Ефименко, Ю.П.Францов¹⁴⁰. Имя Маторина в списке уже не значилось, на него на многие годы было наложено табу.

После убийства С.М.Кирова 1 декабря 1934 г. в судьбах множества людей в Ленинграде наступила черная полоса¹⁴¹, не миновала она и Маторина. 29 декабря 1934 г. партийный комитет АН СССР исключил его из членов ВКП(б) «как активного оппозиционера в прошлом, не порвавшего идейных связей с контрреволюционной зиновьевской оппозицией в последние годы»¹⁴². Но и в эти дни он продолжал работать. В его записной книжке читаем: «1935 г. 1 января. ЛГУ. Лекция по курсу "Этнография СССР" на 5 курсе географического факультета (О народах Севера). 2 января. Работал до 2 часов ночи, готовился к очередной лекции (5 января). В ночь на 3 января — арест»¹⁴³. Понимал ли Николай Михайлович, что произошло и насколько серьезно обстоит дело? Чем он занимался после ареста? «3—14 января. Обдумывал статьи и курсы. 14 января. Начал писать конспекты книг и статей. 27 января. Первый набросок плана романа, драмы "Кудекуша Трепец", поэмы "Вятич Кукша". 30 января. Передача из дому. 8 февраля. Передача из дому. Январь—февраль — разработка драмы "Кудекуша Трепец". Читал "Жан-Кристоф" Ромена Роллана»¹⁴⁴.

А в это время 15 января на заседании Президиума АН СССР, как гласит его протокол за подписью неперменного секретаря акад. В.П.Волгина, постановлено: «Снять с работы в Академии наук (Институт антропологии и этнографии, Музей истории религии и редакция "Советской этнографии") Н.М.Маторина и утвердить старшим специалистом ИАЭ Я.П.Кошкина с 15 января 1935 г. с окладом 500 рублей в месяц»¹⁴⁵. 19 января Николай Михайлович был уволен как член контрреволюционной организации с профессорской должности в Ленинградском институте философии, литературы и истории (ЛИФЛИ, до 1934 — ЛИЛИ)¹⁴⁶. 23 января 1935 г. Василеостровский РК ВКП(б) заочно исключил Н.М.Маторина из членов партии «за принадлежность к контрреволюционной зиновьевской группе»¹⁴⁷. Отныне судьба Николая Михайловича окончательно и бесповоротно связана с судьбой членов этой группы, и он сам в полной мере разделит с ними их предешенную участь.

Но Николай Михайлович продолжал самозабвенно работать. «6 февраля. Написана объяснительная записка и конспект докторской диссертации "Религиозный синкретизм"»¹⁴⁸. 13 февраля, после свидания с матерью, женой и детьми, ему был зачитан приговор Особого совещания НКВД СССР: «за контрреволюционную деятельность» он был осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей, а 14 февраля его отправляют по железной до-

роге в Ташкент для отбытия срока. За 10 дней пути он прочитал для своих спутников шесть лекций на самые разные темы: «Первобытное общество», «Народы СССР», «Христианизация России», «Бытовое православие», «Народы Средней Азии», «А.С.Пушкин». С дороги послал домой три письма и одну телеграмму, беспокоился о судьбе семьи, родственников.

Братья и сестры Николая Михайловича, их супруги были арестованы или высланы в различные отдаленные места. Мать оказалась в Стерлитамаке... Вскоре после вынесения ему приговора решила и участь семьи: 27 февраля 1935 г. жена с детьми была административно выслана в Ташкент, куда они и прибыли в начале марта¹⁴⁹. Маторин отбывал наказание в лагере под Ташкентом, близ совхоза Малек, куда периодически к нему теперь могли приезжать члены семьи¹⁵⁰.

Активность, жажда творчества, стремление к полноценной деятельности и здесь не оставляли Николая Михайловича, хотя, можно думать, это давалось ему нелегко. Сферы приложения энергии были самые разнообразные: он вел переговоры о работе на опытном поле, участвовал в выпуске стенгазеты, беседовал с солагерниками, собирая у них этнографический и фольклорный материал, связанный со свадьбой, верованиями, поверьями, обычаями и т.д. Продумывал статьи: «Об этнографическом образовании», «Этнография, история и география», «О религиозных легендах после революции», «Проблемы религиозного синкретизма в трудах Н.Я.Марра», «Шаманизм и православие», «Религиозный синкретизм в старообрядчестве и сектантстве», «Пережитки шаманизма в религиях Поволжья», «Н.Я.Марр и А.Н.Веселовский», «Религиозный синкретизм в исламе». В связи с темой докторской диссертации он планировал работу в архивах Ленинграда, Москвы, Киева, Минска, защиту диссертации в Казани¹⁵¹. Над ней он постоянно работал в лагере. Еще в ленинградской тюрьме он написал статью «Фольклор как исторический источник», которую через руководство лагеря направил в АН СССР для напечатания в «Советской этнографии». 3 декабря 1935 г. закончил статью «В Брянских лесах (этнографические материалы из села Чернино бывшей Орловской губернии)», работал над статьей «К вопросу о бытовом исламе».

Сегодня трудно судить о том, типичны ли были лагерные условия, в которых оказался в 1935 г. Маторин. Здесь он продолжал творчески трудиться, надеясь на защиту докторской диссертации, на публикацию своих работ в журналах. Даже если начальство лагеря и отправило его статью в редакцию журнала «Советская этнография», она едва ли могла быть доброжелательно встречена новой редакционной коллегией (И.И.Мещанинов,

А.А.Бусыгин и др.), а тем более напечатана. Но Николай Михайлович верил в лучшее. Летом 1935 г. он разрабатывал программу для собирания материалов по религиозным представлениям, культу и бытовому исламу¹⁵², ознакомил с нею руководство лагеря и получил согласие на сбор материала путем бесед с заключенными, среди которых были выходцы не только из Средней Азии и Казахстана, но и Кавказа, Крыма, Поволжья... Николай Михайлович старался читать научную литературу, в том числе «Советскую этнографию», конспектировал новые доходившие до него книги, следил за новинками художественной литературы, делая выписки из журналов «Новый мир», «Звезда», «Красная новь». И много писал сам, особенно стихов. Пожалуй, даже их названия могут дать некоторое представление, о чем думал тогда заключенный лагеря Малек Н.М.Маторин. Воспоминания о людях («Лев Штернберг», «В.А.Городцову»), о местах, где бывал («Дагестан», «Себеж»), и много мучительных размышлений («Ласточка», «Журавли», «Вы бежали, глотая слезы», «Давно свою продумал я вину», «Нас встретил хмуро солнечный Восток», «Я никому не нужен тут», «Лиде», «Я нового творить сегодня не могу», «Я размышляю о себе», «Я заглянул, что там за гранью», «Я не сетую, только знаю»).

Имея возможность читать прессу, следить за событиями в стране, он должен был чувствовать приближение новых репрессий, но надеялся на свое освобождение и, рассказываясь в своем участии в партийной оппозиции, верил в торжество правого дела, которому служил всю свою короткую жизнь. В лагерных условиях Николай Михайлович пытался осмыслить все происходящее в стране, все случившееся с ним. Вот отрывки из его пусть несовершенных, но несомненно искренних стихов:

Я погружен в позорную трясины,
Но звездочки мне светят до сих пор.
Когда-нибудь болото я раздвину
И выйду вновь на солнечный простор.

Или еще:

Давно свою продумал я вину
И помню день тяжелого удара,
С пути достойного я больше не сверну,
Пусть исполнится заслуженная кара...
Стоит Союз Советов как скала,
И счастье новое он строит новым людям.
Так в доме собственном мы не потерпим зла,
Мы истреблять врагов ползучих будем...
Нет выбора! Туда или сюда —

И не дано блаженной середины...
Восторжествует красная звезда
И твердость пролетарской дисциплины¹⁵³.

Что это? Потрясающая вера в правое дело, в строительство новой жизни и... такая невероятная слепота! Конечно, Николай Михайлович предполагал, что его переписка перлюстрируется, но он писал все искренно. Он знал, что не виновен, но тем не менее много думал о вине, которую ему инкриминировали, и, как подавляющее большинство народа, верил, что в стране действуют враги с коварными целями, а потому не только оправдывал жестокие меры, но и сам призывал «истреблять врагов ползучих», хотя прекрасно знал, что вместе с ним сидят невинные люди. Неужели он тогда еще не понимал, что власти и в нем видят именно такого врага? Как трудно и сегодня понять эту эпоху, умонастроение людей несомненно искренних.

18 февраля 1936 г. Маторина отправляют в Ташкент на пересыльный пункт, ведение записок обрывается¹⁵⁴. Николая Михайловича возвращают в Ленинград, где началось новое следствие по делу «контрреволюционной зиновьевской группы», сопровождавшееся пытками и мучениями. Теперь уже не было никаких условий не только читать и писать, но и думать о науке, о перспективах, наверное, и исчезла вера в возможность вернуться на свободу. Маторину в тех ужасных условиях сообщили, что в конце обвинительного заключения по делу Зиновьева и его группы, оглашенного в Москве в Доме Советов 19 августа 1936 г., наряду с другими упоминалось и его имя с указанием о выделении их дел в особое производство в связи с продолжением следствия по нему: он это «продолжение следствия» ежедневно испытывал физически. Р.Конквест пишет: «О Маторине, личном секретаре Зиновьева, в ходе суда было сказано еще раз, что он находится под следствием и будет судим позже, "в связи с другим делом". Но ни один из названных людей никогда больше не появился перед открытым судом, и в большинстве случаев мы ничего не знаем об их судьбах»¹⁵⁵.

Сегодня о судьбе Маторина мы можем определенно сказать следующее. 11 октября 1936 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством В.В.Ульриха Маторин был обвинен в том, что «является участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С.М.Кирова», и приговорен на основании статьи 58—8, 11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу¹⁵⁶, который в тот же день, через считанные минуты после оглашения приговора,

был приведен в исполнение¹⁵⁷. Тогда же был расстрелян А.А.Бусыгин. С.Н.Быковского расстреляли в Ленинграде несколько позднее, 19 декабря 1937 г., за принадлежность все к той же «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации».

20 марта 1958 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговор в отношении Маторина был отменен и дело его прекращено за отсутствием состава преступления¹⁵⁸, а летом 1989 г. он решением Ленинградского обкома КПСС по ходатайству дочери — С.Н.Маториной был восстановлен в партии¹⁵⁹.

Сразу после арестов в периодической печати, в научных изданиях, в отдельных письменных и устных заявлениях прозвучали критика и разоблачения «врагов народа», среди которых прямо называлось или подразумевалось имя Маторина¹⁶⁰. А потом наступил длительный период забвения.

* * *

В настоящей публикации ставилась цель включить Маторина как равноправного участника в процесс развития науки в 20—30-е годы и рассказать о его сложном, трагическом жизненном и творческом пути. Совершенно очевидно, что он был одним из крупных ученых-этнографов, умелых организаторов и руководителей науки. Это подтверждает отзыв академиков И.И.Мешанинова и И.А.Орбели о Маторине, написанный еще 8 июня 1929 г.: «Николай Михайлович провел ряд интересных исследований по прослеживанию хозяйственной подосновы в сохранившихся культурных обрядах, свидетельствующих о последовательной смене хозяйственных структур. Николай Михайлович уже участвует в работе Академии, принимая деятельное участие в занятиях секции генетики культуры. Зная отзыв Н.Я.Марра о работах Н.М.Маторина, мы в полной мере поддерживаем кандидатуру его на избрание научным сотрудником I категории, к каковой он вполне подходит по своей научной квалификации, каковую может занять с большой пользой для проведения плановых работ Академии»¹⁶¹. Напомним, что этот отзыв написан еще до появления ряда крупных работ Маторина, которые, как мы отмечали выше, не потеряли своего значения и поныне¹⁶². Об этом говорит и факт повторного издания некоторых его статей. Так, в 1974 г. в тематическом сборнике была вновь опубликована его статья «К вопросу об идеологии скопчества»¹⁶³, готовится к переизданию работа его ученика Н.Н.Волкова на аналогичную тему.

В течение короткого времени Маторин создал целое направление в советской этнографии, связанное с изучением сектантст-

ва, народных верований, деятельно способствовал росту новых исследователей по этой проблеме. Недавно в архиве МАЭ мне довелось познакомиться с «Биографическими заметками» одного из ведущих советских кавказоведов Л.И.Лаврова, в которых он тепло вспоминает о содействии, оказанном ему Николаем Михайловичем: «Маторин покровительствовал всем, кого интересовали народные верования. После его ареста эта тема надолго оказалась забытой, так как научные работники боялись, что их заподозрят в былых связях с "врагом народа"»¹⁶⁴. Данью уважения памяти Маторина было бы издание тома избранных трудов этого яркого, самобытного ученого, сказавшего свое слово в науке. В предлагаемой книге могли бы быть собраны и воспоминания о Николае Михайловиче его современников и учеников.

Маторин в сложное, трудное время возглавлял этнографическую науку в Ленинграде и играл заметную роль во всесоюзном масштабе, ибо в те годы центр этнографии в системе АН СССР находился в городе на Неве. Николай Михайлович был одним из активных участников многогранного, противоречивого, но поступательного процесса развития этнографической науки в нашей стране¹⁶⁵. Он погиб, когда ему едва исполнилось 38 лет.

¹ О Н.М.Маторине см.: Те, чье дело мы продолжаем. Николай Михайлович Маторин (1898—1936). — Наука и религия. 1967, № 7, с. 15; *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии (к 70-летию со дня рождения). — Вопросы научного атеизма. Вып. 7. М., 1969, с. 366—386; *Решетов А.М.* Н.М.Маторин — педагог, организатор науки, исследователь (к 90-летию со дня рождения). — Полевые исследования ГМЭ народов СССР. 1985—1987 гг. Тезисы докладов научной сессии. Л., 1989, с. 23—25; *он же.* Репрессированная этнография: люди и судьбы. — Кунсткамера: этнографические тетради. СПб., 1994. Вып. 4, с. 213—216; *он же.* Николай Михайлович Маторин (опыт портрета в контексте времени). — ЭО. 1994, № 3, с. 132—154; *он же.* Вступительная статья к публикации: *Маторин Н.М.* Письмо к доктору Андрэ Вараньяку. — Курьер Петровской Кунсткамеры, 1999. Вып. 8—9, с. 201—202; *Reshetov A.M.* Matorin N.M. — International Dictionary of Anthropologists. General editor Ch.Winters. N.Y.—L., 1991, p. 460.

² В этой связи мне хотелось бы напомнить точку зрения М.И.Ростовцева, высказанную им в письме Н.Я.Марру от 12 апреля 1921 г. из Чикаго: «Какое право я имею кого-либо судить, а тем паче осуждать за глаза, живя в других условиях и не перенося того, что они переносят? Никогда этого не делал и не собираюсь делать <...> Жизнь эмигранта не сладка, но я предпочитаю эту жизнь. Что бы я делал, если бы остался в России, не знаю, не могу судить. По всей вероятности, то же, что делали Вы» (Скифский роман. Под общей ред. акад. РАН Г.М.Бонгард-Левина. М., 1997, с. 414).

³ Николай был старшим в семье, после него родились Наталия — 1900 г., Зинаида — 1902 г., Нина — 1904 г., Роман — 1906 г., Михаил — 1908 г., Дмитрий — 1910 г. О семье Маториных см.: *Маторин Д.М.* От «Шпалерки» до Магадана. — Спортивная жизнь России. 1989, № 5, с. 40—43.

⁴ АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 8. Особенно выделял Н.М.Маторин лекции акад. Б.А.Тураева по истории Древнего Востока.

⁵ Подробнее см.: ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851 и 6306.

⁶ О Г.Е.Зиновьеве в этот период см.: История КПСС. Изд. пятое, дополненное. М., 1977, с. 349—352; *Лисочкин И.* Революционер, теоретик, публицист. — Ленинградская правда. 21.VI.1988, с. 2; *Васецкий Н.А.* Г.Е.Зиновьев (страницы политической биографии). М., 1989.

⁷ Благодарю С.Н.Маторину за предоставление этих сведений.

⁸ В 1916 г. Н.М.Маторин поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета и проучился на нем всего один год. Сам Маторин в анкетах при заполнении графы об образовании писал «Незаконченное высшее, историко-филологический факультет ЛГУ» (ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 1; д. 6306, л. 1).

⁹ АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 8.

¹⁰ Там же, л. 1. С этого же года Н.М.Маторин вел стаж своей научной работы по этнографии и состоял членом профсоюза работников просвещения с 29 октября 1924 г., хотя членом профсоюза он стал в 1918 г. См.: ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 6306, л. 1; д. 2851, л. 1; ЦГАЛИ, ф. 328, оп. 1, д. 1033, л. 1—2.

¹¹ Подробнее см.: Список основных работ Николая Михайловича Маторина. — ЭО. 1994, № 3, с. 154—155. См. также: АИИМК, ф. 2, оп. 2, д. 420, л. 8.

¹² Там же.

¹³ Письмо Управления КГБ по Ленинградской области от 13 июня 1990 г., л. 2. Хранится в архиве автора статьи.

¹⁴ Российский Государственный архив военно-морского флота, ф. 2192, оп. 2, д. 8900, л. 30. Благодарю О.М.Федорову, обратившую мое внимание на этот материал.

¹⁵ Наука и научные работники СССР. Часть VI. Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л., 1928, с. 248.

¹⁶ АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 8.

¹⁷ Письмо Управления КГБ по Ленинградской области от 13 июня 1990 г. Хранится в архиве автора статьи.

¹⁸ *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество—ислам—православие—сектантство. М., 1929. На с. 6 этой книги Н.М.Маторин указал точную дату и места ее создания: «Май—август 1928 г. Казань—Москва». См. также: АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 8.

¹⁹ *Толстов С.П.* [Рец. на:] *Маторин Н.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. — Советское краеведение. 1930, № 11—12, с. 50.

²⁰ О состоянии этнографической науки в Казани в этот период см.: *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в.— 20-е гг XX в.). Казань, 1998.

²¹ О работе Н.М.Маторина в вузах Ленинграда в 1928—1935 гг. подробнее см.: АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420; ЦГАЛИ, ф. 328, оп. 1, д. 1033.

²² На этом факультете соответствующие лекции читали преподаватели этнографического отделения.

²³ Первобытное общество. Сб. статей. М., 1932. 255 с.

²⁴ *Miller M.* Archaeology in the USSR. — Praeger Publications in Russian History and World Communism, № 25. N.Y., 1956, p. 91, 186.

²⁵ См., например: Географическое общество за 125 лет. Л., 1970.

²⁶ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 2.

²⁷ Там же, л. 6, 8, 12. В Европейский отдел входили Русский, Украинский, Белорусский, Средневолжский секторы.

²⁸ *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии.

²⁹ См., например: Труд и быт в колхозах. Из опыта изучения колхозов. I. Л., 1931; *Данилин А.* Группа по изучению быта колхозов. — СЭ. 1931, № 1—2, с. 161—162.

³⁰ Там же, ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 11.

³¹ *Тамми В.С.* Новое изучение карел. — СЭ. 1931, № 3—4, с. 226; ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 14.

³² *Золотарев Д.А.* Вопросы изучения быта деревни СССР. — Этнография. 1926, № 1—2, с. 45.

³³ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 15. Одновременно с Маториным директором Института востоковедения АН СССР был избран акад. С.Ф.Ольденбург, директором Института новой русской литературы — акад. А.В.Луначарский, директором Института по изучению народов — акад. Н.Я.Марр, Председателем комиссии по изучению украинской истории — акад. М.С.Грушевский. Достоянные лица и достойная компания!

³⁴ Отчет о деятельности АН СССР в 1932 г. Л., 1933, с. 204.

³⁵ Отчет о деятельности АН СССР в 1933 г. Л., 1934, с. 213.

³⁶ Отчет о деятельности АН СССР в 1932 г. Л., 1933, с. 207.

³⁷ Ethnographie, folklore et archéologie en URSS. Recueil périodique Illustré. Organ de la Société pour relations culturelles entre l'URSS et l'étranger. 4 année. Vol. IV. М., 1933.

³⁸ Об этом см.: *Всеволодский В.* Открывается этнографический театр. — Смeна. 17.X.1934; *Андреева Т.И., Сомова О.В.* Забытый эксперимент (Из истории этнографического театра). — СЭ. 1985, № 2, с. 83—90; Игры народов СССР. Сборник материалов, составленный В.Н.Всеволодским-Гернгроссом, В.С.Ковалевой и Е.И.Степановой. С введ. В.Н.Всеволодского-Гернгросса и предисл. Н.М.Материна. М.—Л., 1933.

³⁹ Подробнее см.: К организации Музея истории религии Всесоюзной Академии наук. — СЭ. 1931, № 1—2, с. 171—172.

⁴⁰ *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 246.

⁴¹ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 20.

⁴² Вестник АН СССР. 1933, № 5, с. 56.

⁴³ Подробнее см.: Труды Первого Всероссийского музейного съезда. Т I—II. М., 1931. — ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 10 (Маторин был членом Оргкомитета по созыву этого съезда).

⁴⁴ Труды, т. I. Протоколы пленарных заседаний 1—5 декабря 1930 г., с. 22, 23

⁴⁵ Там же, с. 162.

⁴⁶ Там же, с. 201—202.

⁴⁷ Труды, т. II. Материалы секционных заседаний 1—5 декабря 1930 г., с. 129—133.

⁴⁸ Там же, с. 133.

⁴⁹ Подробнее см.: Труды, т. I, с. 222—226.

⁵⁰ Там же, с. 226.

⁵¹ См.: *Алымов С.С., Решетов А.М.* Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути. — Наст. изд., с. 253.

⁵² *Абрамзон С.М.* «Советская этнография» в начале 30-х годов (из воспоминаний этнографа). — СЭ. 1976, № 4, с. 91.

⁵³ *Периц А.И., Чебоксаров Н.Н.* 50 лет журнала «Советская этнография». — Там же, с. 4.

⁵⁴ *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи. Л., 1978, с. 181, 198; *Абрамзон С.М.* «Советская этнография» в начале 30-х годов, с. 90—92.

⁵⁵ Уральская советская энциклопедия. Т. 1. Свердловск—Москва, 1933; СЭ. 1932, № 5—6, с. 209.

⁵⁶ Список основных работ Николая Михайловича Маторина см. в примеч. 11.

⁵⁷ Подробнее см.: *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии. — СЭ. 1931, № 1–2, с. 3–38.

⁵⁸ Подробнее см.: *Сукоркин И.* Этнографическая секция Общества историков-марксистов при Ленинградском отделении Коммунистической Академии. — СЭ. 1931, № 1–2, с. 155.

⁵⁹ Подробнее см.: АМАЭ, ф. К I, оп. 3, № 7; *Соколов Б.М.* Построение и деятельность советских этнографических музеев. — Этнография. 1929, № 2, с. 131–139; Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания. — СЭ. 1932, № 3, с. 3–14; Труды Первого всесоюзного географического съезда (11–18 апреля 1933 г.) Л., 1934; АРГО, ф. 1–1933, оп. 1, № 5.

⁶⁰ Я.К[ошкин] и Н.М[аторин]. Совещание этнографов Ленинграда и Москвы. 5/IV–11/IV 1929 г. (Хроника). — Этнография. 1929, № 2, с. 110.

⁶¹ Там же, с. 110.

⁶² См.: Тезисы доклада В.Б.Аптекаря «Марксизм и этнология». — Этнография. 1929, № 2, с. 115–116.

⁶³ *Соловей Т.Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки конец 1920-х—начало 1930-х годов). — ЭО. 2001, № 3, с. 109. Там же сообщается, что В.Б.Аптекарь являлся неформальным лидером ячейки содействия обществу историков-марксистов при 1-м МГУ; по мнению Т.Д.Соловей, члены этой ячейки — «молодые интеллектуалы».

⁶⁴ Я.К[ошкин] и Н.М[аторин]. Совещание этнографов Ленинграда и Москвы, с. 112.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ПФ АРАН, ф. 2, оп. 1 (1931), д. 5, л. 244.

⁶⁷ Американский историк науки Н.Найт задается вопросом, не был ли Н.М.Маторин «негодяем, заслужившим свою участь» (*Night N.* «Salvage Biography» and Useable Pasts: Russian Ethnographers Confront the Legacy of Terror. — *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Spring 2000. Bloomington, Indiana. Vol. 1, № 2, p. 374). Категорически не согласен с такой постановкой вопроса. Историк не судья и не прокурор, а беспристрастный исследователь происшедших событий. Даже о В.Б.Аптекаре так не должен ставиться вопрос: в действиях этнографов 30-х годов я не вижу «враждебных вылазок», которыми полагалось заниматься карательным органам, но им свойственны были ошибки, заблуждения, они нередко вынуждены были идти на компромиссы. Не могу согласиться и с Т.Д.Соловей, преувеличившей роль Маторина в «коренном переломе», который пережила советская этнография в конце 20-х—начале 30-х годов, и тенденциозно интерпретировавшей некоторые его высказывания. См.: *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии: история отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998, с. 165–169; она же. «Коренной перелом» в отечественной этнографии, с. 116–117.

⁶⁸ *Берг Л.С.* Предмет и задачи географии. — Известия ИРГО. 1915, т. 51, вып. 9, с. 463.

⁶⁹ *Хотинский Б.С.* XVI съезд партии и наши задачи. — Этнография. 1930, № 4, с. 7–8.

⁷⁰ *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии, с. 19. Обращаю внимание на неточное цитирование в статье Т.Д.Соловей приведенных нами суждений Маторина: *Соловей Т.Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии, с. 116.

⁷¹ *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии, с. 20. Кстати, он здесь перечисляет тот круг вопросов, которыми непосредственно занимался сам в те годы.

- ⁷² Там же, с. 20.
- ⁷³ Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7—11 мая 1932 года (По докладом С.Н.Быковского и Н.М.Маторина об археологии и этнографии). — СЭ. 1932, № 3, с. 14.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же, с. 20.
- ⁷⁶ От редакции. — СЭ. 1931, № 1—2, с. 1.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ *Соловей Т.Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии, с. 112.
- ⁷⁹ О Н.И.Бухарине см.: *Козн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988.
- ⁸⁰ Благодарю заведующую сектором истории РАН Института истории естествознания и техники РАН кандидата исторических наук Г.И.Смагину за эти сведения.
- ⁸¹ Ученик Маторина проф. А.И.Клибанов называет его «видным деятелем советской этнографической науки и научного атеизма». См.: *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России. М., 1965, с. 32.
- ⁸² Даже после реабилитации имя Маторина не упоминалось в литературе, в том числе специальной. См., например: По этапам развития атеизма в СССР. Сб. статей. Л., 1965.
- ⁸³ Первобытное общество. Сб. статей.
- ⁸⁴ *Невский А.А.* Опыт работы по изучению восточноевропейского религиозного синкретизма в 20—30-х годах XX в. в Ленинграде. — Архив Музея истории религии и атеизма, ф. 36, оп. 2, д. 2, л. 1.
- ⁸⁵ Подробнее о работе группы см.: *Невский А.А.* Работа группы по изучению истории культов Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). — СЭ. 1931, № 1—2, с. 169—171.
- ⁸⁶ *Невский А.А.* Опыт работы по изучению восточноевропейского религиозного синкретизма, л. 2.
- ⁸⁷ *Невский А.А.* Секция по изучению религиозных верований народов СССР при Музее истории религии АН СССР. — СЭ. 1934, № 3, с. 106—107. Летом 1930 г. на Нижнюю Волгу была отправлена экспедиция для изучения сектантства (начальник Н.М.Маторин, заместитель А.М.Покровский). Изучая быт и деятельность представителей разных сект, экспедиция сняла документальный фильм о жизни сектантских общин. Об этом см.: *Терской А.* У сектантов. Путевые заметки. М., 1965, с. 5—55.
- ⁸⁸ *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края...
- ⁸⁹ С любовью к родной природе. Священное дерево. — За рубежом. 1989, № 48, с. 21.
- ⁹⁰ *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края..., с. 105.
- ⁹¹ См.: ЦГАЛИ, ф. 328, оп. 2, д. 1088, л. 42.
- ⁹² См.: *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 380.
- ⁹³ *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения. Т. 10. М., 1962, с. 250—251.
- ⁹⁴ *Маторин Н.М.* Православный культ и производство. М.—Л., 1931, см. также: *Маторин Н.М.* Православие как производственный культ. — Антирелигиозник. 1929, № 5, с. 20—25; № 7, с. 76—85; № 8, с. 54—62; *Маторин Н.М.* и *Невский А.А.* Программа для изучения бытового православия (Программа-инструкция для краеведов). Л., 1930; *Маторин Н.М.* Женское божество в православном культе. Пятница — Богородица. Очерк по сравнительной мифологии. М., 1931.
- ⁹⁵ Это позднее подтвердят и исследования В.И.Чичерова: «Крестьяне в своем обрядовом обиходе прочно и долго (дольше, чем господствующие классы) сохраняли элементы культа мертвых и верования, возникшие в связи с представлениями об умирающей и воскресающей природе. Для бытового православия

была характерна потеря любым христианским образом, любой христианской легендой, при проникновении их в среду крестьянства, отвлеченного церковного характера. Легенды и образы христианской церкви низводились на землю, применялись к волнующей теме труда, земной, а не загробной жизни» (*Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. — ТИЭ. Нов. сер., т. XL. М., 1957, с. 38).

⁹⁶ Анализ работы Н.М.Маторина «Женское божество в православном культе» подробнее см.: *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 372—376.

⁹⁷ Подробнее см.: *Маторин Н.М.* Женское божество в православном культе, с. 13—16.

⁹⁸ Там же, с. 127.

⁹⁹ Это отнюдь не противоречит тому, что ряд положений данной работы являются дискуссионными или устарели. См.: *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 376.

¹⁰⁰ *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря, с. 42.

¹⁰¹ Подробнее см.: *Маторин Н.М.* Живые святые. — Антирелигиозник. 1934, № 4, с. 17—24.

¹⁰² *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 377. Сам Маторин свидетельствует: «Подготавливаю к печати большую работу о православии с этнографической точки зрения ("Православное язычество")». — АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 9.

¹⁰³ *Маторин Н.М.* К вопросу о методологии изучения религиозного синкретизма. — Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934, с. 339.

¹⁰⁴ Там же, с. 341.

¹⁰⁵ Подробнее см.: *Маторин Н.М.* Изучение корней религиозности и задачи антирелигиозной работы. — Воинствующий атеизм. 1931, № 4, с. 20—28.

¹⁰⁶ Подробнее о его работе на поприще антирелигиозной пропаганды см.: *Дунаевский Л.* Научно-исследовательская работа в области воинствующего атеизма за 15 лет. — Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. М., 1932, с. 441—461; *Носова Г.А.* Н.М.Маторин как исследователь религии, с. 367; *Алексеев В.А.* «Если враг не сдастся». — Атеистические чтения. Вып. 20. М., 1991, с. 24; ЦГАЛИ, ф. 328, оп. 1, д. 1033, л. 31.

¹⁰⁷ См., например: *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии, с. 10.

¹⁰⁸ *Дунаевский Л.* Научно-исследовательская работа в области воинствующего атеизма за 15 лет, с. 445.

¹⁰⁹ См., например: *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России; *он же.* Религиозное сектантство и современность. М., 1969; *он же.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1974; Критика религиозного сектантства. Ред. А.И.Клибанов. М., 1974.

¹¹⁰ *Маторин Н.М.* Волга и Дон (Из сталинградских впечатлений). Л., 1925, с. 45.

¹¹¹ Там же, с. 30.

¹¹² Там же, с. 31.

¹¹³ См., например: *Фомин В.* Казачий круг приветствуют «День» и «Молодая гвардия». — Литературная газета. 4.XII.1991.

¹¹⁴ А.Н[икифоров]. Первое совещание писателей и фольклористов. — СЭ. 1934, № 1—2, с. 204—206.

¹¹⁵ Конференция по фольклору. — Там же, с. 208—209.

¹¹⁶ *Лозанова А.* Работа по фольклору в Институте языка и мышления АН СССР. — Там же, с. 209.

¹¹⁷ *Маторин Н.М.* С.Ф.Ольденбург как этнограф. — СЭ. 1934, № 1—2, с. 3—5; 50-летие научной деятельности акад. С.Ф.Ольденбурга. — За социалистическую науку. 25.11.1933 г.

¹¹⁸ *Маторин Н.М.* Ученый-общественник Борис Матвеевич Соколов. — Сообщения ГАИМК. 1931, № 1, с. 30—32. Совместно с Ю.М.Соколовым он подготовил работу Б.М.Соколова «Русский фольклор». См.: *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. Вып. IV. Частушки, мешанские и блатные песни, фабрично-заводской и крестьянский фольклор. Отв. ред. Н.М.Маторин. М., 1932.

¹¹⁹ См., в частности: *Маторин Н.М.* Н.Я.Март и историческая наука (к 45-летию творческой деятельности). — СЭ. 1933, № 5—6, с. 3—13.

¹²⁰ Из писем М.К.Азадовского (1912—1941). Публикация Л.В.Азадовской. — Из истории русской фольклористики. Л., 1978, с. 231—232.

¹²¹ *Быковский С.Н.* Автобиография. — ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 4683, л. 28. В свою очередь, более или менее близкие отношения с Маториным вменялись в вину его ученикам. А.И.Клибанов рассказывал мне, что одним из вводов к его аресту было предисловие Николая Михайловича к его книге. Л.П.Потапов выразил благодарность Маторину как своему бывшему научному руководителю во время прохождения аспирантуры (*Потапов Л.П.* Очерки истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933, с. 12), за что в дальнейшем неоднократно подвергался критике за утрату политической бдительности.

¹²² ПФ АРАН, ф. 849, оп. 2, д. 195, л. 1.

¹²³ *Данилин А.* Секция этнографов Всесоюзного географического съезда. — СЭ. 1933, № 2, с. 114.

¹²⁴ Там же, с. 113.

¹²⁵ Вестник АН СССР. 1933, № 2, с. 44.

¹²⁶ *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи, с. 206—210.

¹²⁷ Приезжавший в начале 1933 г. в Ленинград на юбилей акад. С.Ф.Ольденбурга директор Индийского института в Париже проф. Сильвен Леви на встрече с востоковедами города предложил установить постоянную и теснейшую связь с французскими востоковедами и был приятно удивлен, узнав из выступления Н.М.Маторина, что в МАЭ работают три американских этнографа и вскоре для работы приезжает индеец. См.: Красная вечерняя газета. 4.11.1933.

¹²⁸ *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии, с. 38.

¹²⁹ Эта серия «Трудов» Института прожила долгую и яркую жизнь. За период 1934—1937 гг. были опубликованы 15 томов в 19 выпусках. Как настоящий боец, она в этих сложнейших условиях выстояла, но понесла и существенные потери: целый ряд объявленных томов и выпусков не вышли из печати. В 1947 г. стали выходить «Труды Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия», и за 1947—1991 гг. было опубликовано 116 томов по самым различным вопросам этнографии, фольклористики, антропологии народов СССР и народов мира. Серия объединяла не одно поколение ученых Института. Подчеркну, что у истоков этого начинания стоял Н.М.Маторин.

¹³⁰ *Маторин Н.М.* Письмо к доктору Андрэ Вараньяку. Вступит. ст., подготовка текста и примеч. А.М.Решетова. — Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1999. Вып. 8—9, с. 201—213.

¹³¹ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 2 (1933), д. 2, л. 201.

¹³² Мещанинов Иван Иванович (1883—1967) — советский языковед и археолог. В 1907 г. закончил Петербургский университет. Преподаватель, профессор университета. Действительный член ГАИМК, заведующий сектором Государственного Эрмитажа. Академик АН СССР (1932). Директор Института антропологии и этнографии АН СССР (1934—1937), Института языка и мышления АН СССР (1935—1950), академик-секретарь Отделения литературы и языка

АН СССР (1934—1950). Лауреат Сталинской премии (1943). Герой Социалистического труда (1945).

¹³³ Об А.А.Бусыгине см.: *Решетов А.М.* Николай Михайлович Маторин (Опыт портрета в контексте времени), с. 152—153.

¹³⁴ Институт антропологии и этнографии. — Отчет АН СССР за 1934 г. М.—Л., 1935, с. 385—388.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ По отчету Института за 1934 г. эти тома значились как находящиеся в печати, см. там же, с. 392.

¹³⁷ В 1936 г. вышел очередной, № 2—3, сборник «Советский фольклор» под редакцией М.К.Азадовского. В этом томе имя Маторина уже не указывалось по понятным причинам.

¹³⁸ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 56.

¹³⁹ Объявление содержания журнала «Советская этнография», № 6. — СЭ. 1934, № 5. Номер 6 был задержан и сдан в набор только 13 января 1935 г., т.е. уже после ареста Маторина.

¹⁴⁰ *Мануйлова Л.Н., Шахнович М.И.* Научное совещание Музея истории религии в Академии наук СССР. — СЭ. 1935, № 2, с. 158—160.

¹⁴¹ *Лисочкин И.* Революционер, теоретик, публицист.

¹⁴² Об этом см.: В Обкоме КПСС. В партии восстановлены. — Диалог. Л., 1989, август, № 23, с. 29.

¹⁴³ *Маторин Н.М.* Записные книжки. Благодаря С.Н.Маторину — дочь ученого, познакомившую меня с «Записными книжками» за 1935—1936 гг., предоставив в мое распоряжение их копии.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ ПФ АРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2851, л. 59.

¹⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 328, оп. 1, д. 1033, л. 47.

¹⁴⁷ В Обкоме КПСС..., с. 29.

¹⁴⁸ *Маторин Н.М.* Записные книжки 1935—1936 гг., л. 1.

¹⁴⁹ В последние годы свободной жизни в Ленинграде Л.П.Маторина возглавляла журнал «Работница и крестьянка» и как его руководитель оказывала возможную помощь всем, кто к ней обращался. Так, популярная в свое время писательница Л.А.Чарская тепло отзывалась о Л.П.Маториной после встречи с ней: «Удивительно обаятельный человек». Поэтесса Е.Г.Полонская однажды рассказала ей о горестях и нищете Л.А.Чарской, и Л.П.Маторина вызвалась помочь ей и выхлопотать ей пенсию. И действительно, Л.А.Чарской дали пенсию «за литературные заслуги в дореволюционное время». (Об этом см.: *Полонская Е.* Из литературных воспоминаний. — Час пик, № 27 (237). 21.IX.1994, с. 15). Л.П.Маторина умерла в Ташкенте 26 июля 1968 г. Реабилитирована в 1958 г. 20 июня 1989 г. решением Обкома КПСС она по ходатайству дочери, Светланы Николаевны (1928 г. рождения), восстановлена в КПСС.

¹⁵⁰ Подробнее см.: Записные книжки 1935—1936 гг.

¹⁵¹ Не исключено, что он предполагал после освобождения из лагеря обосноваться в Казани: здесь он намеревался читать курс лекций по этнографии.

¹⁵² *Маторин Н.М.* Программа для собирания этнографических и фольклорных материалов. — ЭО. 1994, № 3, с. 155—158.

¹⁵³ Благодаря С.Н.Маторину, предоставившую в мое распоряжение копии стихотворений Н.М.Маторина, хранящихся у нее в архиве.

¹⁵⁴ Ранее сделанные записи Николай Михайлович успел в Ташкенте передать жене, у которой они и сохранились.

¹⁵⁵ *Конквест Р.* Большой террор. — Нева. 1989, № 11, с. 120.

¹⁵⁶ См.: В Обкоме КПСС..., с. 29; Письмо Управления КГБ по Ленинградской области от 13 июня 1990 г. (хранится в архиве автора).

¹⁵⁷ К сожалению, места захоронений жертв репрессий до июля 1937 г. в Ленинграде пока не установлены.

¹⁵⁸ В связи с реабилитацией Маторина семья получила из Ленинградского ЗАГСа свидетельство о смерти Николая Михайловича 29 февраля 1940 г. Эта дата опубликована мною (*Решетов А.М.* Н.М.Маторин — педагог, организатор науки, исследователь, с. 25). В первый период реабилитации, начавшейся после XX съезда КПСС, даты кончины репрессированных устанавливались произвольно, «разбрасывались» по разным годам, чтобы они не концентрировались в конце 30-х годов, особенно в 1936—1937 гг. Для сравнения см.: *Игумен Андроник (Трубачев), Флоренский П.В.* Из истории русской философской мысли. Павел Александрович Флоренский. — Литературная газета. 30.XI.1988. Теперь мы знаем точную дату гибели Маторина — 11 октября 1936 г.

¹⁵⁹ В Обкоме КПСС..., с. 30.

¹⁶⁰ См., например: *Арциховский А., Воеводский М., Киселев С., Толстов С.* О методах вредительства в археологии и этнографии. — Историк-марксист. 1937, кн. 2, с. 78—91; О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий. — Советская археология. 1937, № 3, с. V—X. Некоторые коллеги Маторина выступали с критикой его как «врага народа», тем самым пытаясь отмежеваться от него во избежание неприятностей. Другие отрекались от него, уже попав в тяжелую ситуацию. Так, сотрудница МАЭ, сибиревед и индонезист Л.Э.Каруновская, после ареста мужа В.А.Чатопадай и увольнения ее с работы писала в 1937 г. в своем обращении в партийный комитет: «Маторина, которого при назначении директором МАЭ мы все понимали как проводника твердой партийной линии, я довольно скоро разглядела. Его содружество с реакционными элементами музея (под флагом "консолидации сил" научных работников), вылившееся в полное подчинение им, в потерю партийного лица, было мне совершенно ясно, он это чувствовал, поэтому в последние годы к числу <моих> недоброжелателей присоединился и директор его, номинально коммунист, проглядевший срыв роста кадров в нашем Институте» (АМАЭ, ф. 15, оп. 2, д. 17, л. 20). Это письмо Л.Э.Каруновской содержит то объяснение причин снятия Маторина с должности директора Института, которое тогда циркулировало среди его сотрудников. Попытки сказать правду о Маторине пресекались даже в первые годы после его реабилитации. См., например, письмо А.В.Арциховского и С.П.Толстова в Отделение истории АН СССР от 27 ноября 1962 г. (АРАН, ф. 142, оп. 10, д. 156, л. 1—2). Первая статья о Маторине была опубликована только в 1969 г.

¹⁶¹ АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 420, л. 10.

¹⁶² Подробнее см.: *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России; *Носова Г.А.* Язычество в православии. М., 1975; *Жуковская Н.Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977; *Тулцева Л.А.* Традиционные верования, праздники и обряды русского крестьянства. М., 1990.

¹⁶³ *Маторин Н.М.* К вопросу об идеологии скопчества. — Критика религиозного сектантства, с. 178—182.

¹⁶⁴ *Лавров Л.И.* Биографические заметки. — АМАЭ, ф. 25, оп. 1, д. 93, л. 91.

¹⁶⁵ См., в частности: *Зеленин Д.К.* Обзор советской этнографической литературы за 15 лет. — СЭ. 1932, № 5—6, с. 234—267.